

Константин Давлетишин

НА ДАЛЁКИХ ОСТРОВАХ

Константин Давлетшин

На далёких островах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22571595

ISBN 9785448360435

Аннотация

Действие романа происходит в переломное для страны время, в годы хрущёвской оттепели. Типичная и в то же время совершенно невероятная история простого советского лётчика, рассказанная им самим живым и ироничным языком. Изрядно помотавшись по просторам Родины, он не только неожиданно попадает в самую гущу событий Карибского кризиса, но и оказывается в центре непредсказуемого любовного многоугольника. Увлекательное повествование о верной дружбе и настоящей любви на фоне глобальных перемен.

Содержание

1. Москва-Курилы	5
1.1 Оттепель	6
1.2 Школа	11
1.2.1 Аэроклуб	16
1.3 Училище	19
1.3.1 Знакомство с родителями	19
1.3.2 Чугуев	24
1.3.3 Распределение	31
1.4 Дальний восток	34
1.4.1 Шутуруп	36
1.5 Стерва	45
1.6 Будни	51
1.7 Без неё	58
1.7.1 Маша	62
1.8 Попытка номер два	71
1.8.1 Не жена	74
1.8.2 А на утро...	77
1.9 Аварийное приводнение	84
1.10 Ложная тревога	100
Конец ознакомительного фрагмента.	110

На далёких островах

Константин Давлетшин

© Константин Давлетшин, 2016

© Нина Александровна Незнанова, дизайн обложки, 2016

ISBN 978-5-4483-6043-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Москва-Курилы

1.1 Оттепель

Шло лето 1960 года. Я стоял в подземном вестибюле станции метро Комсомольская-кольцевая и ждал жену. Валя должна вернуться из Монино, с дачи родителей и, как обычно, опаздывала. Она всегда и везде опаздывала, я даже не припомню такого случая, чтобы она пришла вовремя! Ни что на свете не могло заставить её приходить точно в назначенный срок. На замечания она лишь недовольно фыркала и говорила: ничего страшного, подождут! Когда-то давно я относился к её опозданиям снисходительно и даже с пониманием. Потом это стало мне надоедать и даже злить. А теперь я махнул на это рукой – все равно её не переделаешь. Да и сама Валя стала мне совершенно безразличной.

От скуки я рассматривал гигантский подземный дворец – творение Алексея Щусева, автора Мавзолея Ленина и Казанского вокзала в Москве, кстати, самого крупного в Европе. Оформление станции посвящено русской и советской воинской славе. На потолке, на шести огромных мозаичных панно, изображены великие русские полководцы, а ещё на двух – товарищ Сталин со сподвижниками. Эти два панно уже не раз переделывали, убирая то Берию, то Молотова, то Кагановича. Через три года панно переделают полностью, выложив вместо Сталина портрет Ленина.

В то время в стране пышно цвела и благоухала Хрущёв-

ская оттепель. Страна впервые за долгие годы вздохнула полной грудью, расправила плечи, и пустилась во все тяжкие. Мимо меня, веселясь и пританцовывая, проходили разоде-тые в клетчатые штаны и узкие пиджаки, беззаботные сти-ляги, с накрученными на голове коками. Думаю, не каждый цирковой клоун рискнёт выйти на арену в таком костюмчи-ке, но эти ребята без комплексов. За ними со смехом пробе-гали их чувихи, в юбках колокольчиком и чулках со стрел-кой. Одержимые художники в перемазанных краской бере-тах, с горящими глазами и жиденькими бородёнками, тащи-ли на себе огромные мольберты. Молодые поэты что-то бур-но обсуждали и декламировали друг другу свои стихи. Кру-гом кипела и бурлила разноцветная жизнь. Только несколь-ко молодых лейтенантов-лётчиков понуро сидели на одина-ковых коричневых фибровых чемоданах, и никуда не торо-пились. Им уже некуда торопиться. Все их мечты и планы рухнули в одночасье.

У Хрущёва была не только оттепель, космос, целина и ку-куруза, у него были ещё два массовых сокращения армии. Молодые лейтенанты целыми выпусками сразу отправля-лись в запас, как тогда говорили «в народное хозяйство». Те-перь эти молодые, здоровые и образованные парни не знали, что им делать. Возвращаться в родную деревню трактори-стом? Или слесарить на завод, или шахтёром в забой? Сей-час им нужно начинать жизнь сначала. Все знания и умения, полученные в лётном училище, оказались никому не нужны.

Особенно сильно Хрущёв сократил авиацию. Под лозунгом «зачем нам „еропланы“, у нас же есть ракеты!», по всей стране под нож пошли не отдельные звенья и эскадрильи, а целые авиационные дивизии. А дивизия – это почти сто самолётов и пять тысяч человек личного состава. О семьях военных тогда вообще никто не думал, лишая их единственного источника дохода. Вместе с дивизиями на слом пошли и самолёты. Тут тоже без извращений не обошлось. На Тихоокеанском флоте прыткие командиры, выполняя «высокое задание партии и правительства», чтобы долго не мучиться с разделкой самолётов, просто взяли и подавили танками целый полк новых бомбардировщиков! Потом, преисполненные холопского подбострастия, наперегонки побежали докладывать: «Я – первый, я – первый!». Да... в тех краях дорог никогда не было, а вот дураки водились в изобилии.

Но, все же думаю, что Хрущёв правильно сделал, что сократил армию. Содержать в мирное время под ружьём пять миллионов человек даже могучий Советский Союз не мог. Все деньги и средства шли на армию! А на оставшиеся крохи развивалась и строилась вся остальная страна. Особенно сильное впечатление на Хрущёва произвёл такой факт: не самый большой в стране Черноморский флот за недельные учения спалил в корабельных топках мазута больше, чем вся Украинская ССР за год! А на Украине тогда жило почти тридцать миллионов человек.

Стою, жду, вижу вдалеке, с опозданием на час, показалась

моя «королева». Она шла не торопясь, с достоинством, высоко подняв голову и снисходительно окидывая взглядом окружающую её серую массу. У неё был такой вид, словно она шла не по забитому битком московскому метро, а по красной дорожке в Голливуде! Валя всегда одевалась по последней моде, вернее – она сама была самой последней модой! Броский макияж, алые губы, стрелки на глазах, подведённые брови. Длинное, до щиколоток ярко-оранжевое платье с черными горизонтальными полосками и пышной юбкой. Высокая, очерченная грудь. Перетянутая тонким поясом осиная талия. Красные лаковые туфли-лодочки на каблуке-рюмочке. Аккуратно расчёсанные (волосок к волоску!) волосы, ниспадавшие волнистыми локонами. Маленькая шляпка-мегингитка с вуалью, интригуяще надвинутая на глаза. Такую же причёску носила Жаклин Кеннеди – законодательница моды того времени, только шляпка у неё была на макушке. Длинные ажурные перчатки, в руках маленькая кожаная сумочка в тон туфлям. Тонкая нитка жемчуга на длинной шее и огромные из дутого золота серьги.

Валя от природы была очень красива и всегда выглядела потрясающе! А я, в шикарном, по тем временам, чёрном двубортном костюме, смотрелся рядом с ней как дремучая деревенщина в драном ватнике! Мне только соломы в волосах не хватало. Когда она шла, все оборачивались и с восхищением и завистью смотрели на неё. Даже модницы-стиляжницы перестали трещать как сороки на заборе, и стали тара-

щиться на неё во все глаза! Когда-то такое внимание к Вале мне очень нравилось. Когда-то я гордился тем, что могу называть её своей.

– Ну, что стоишь, мы едем? – совершенно без эмоций сказала она.

Как-то странно, а где «привет мой милый», а где дежурный поцелуй в щеку – только окинула меня равнодушным взглядом. Я усмехнулся и молча кивнул, Валька вдруг опомнилась, мило улыбнулась, чмокнула в щеку, торопливо взяла под руку, и мы пошли к поезду.

Она всегда брала меня под руку, но не из-за большой любви. Валя считала, что рядом с ней, такой красивой и стильной женщиной, всегда должен быть настоящий мужчина. А я полностью соответствовал её представлениям о солидном мужчине. Я высокий и широкоплечий, черноволосый и уса-тый, достаточно умный и в меру наглый. Она меня воспринимала как необходимый аксессуар. Что-то вроде очередной блестяшки в её гардеробе. Правда, я, точно так же думал о ней. Меня совершенно не задевали её выходки, для меня она стала не более чем красивая, говорящая, самоходная кукла.

1.2 Школа

С Вале́й я знаком ещё со школы, сидели за одной партой. Когда в восьмом классе она впервые пришла в нашу школу, я был настолько сильно сражён её красотой, что сразу влюбился. Как же она была красива! Я таких красивых ещё никогда не видел! Я один оказался такой впечатлительный – все мальчишки были в неё тайно влюблены. Мне пришлось здорово постараться и подражаться не раз, чтобы она обратила на меня внимание. Я читал ей стихи, специально научился играть на гитаре, занялся спортом и поступил в аэроклуб. В общем, организовал наступление по всем фронтам. Но Валя держалась независимо, и никак не выделяла меня из толпы поклонников. Ещё у меня были очень сильные конкуренты из старших классов.

Я уже почти отчаялся завоевать её сердце и решил предпринять крайнюю попытку. Хотя это чистый самообман – я уже не раз и не два предпринимал «крайнюю» попытку, но все равно все мои мысли и желания крутились вокруг неё. Две недели, после школы, я как заправский грузчик разгружал вагоны на станции Москва-Курская товарная. Теперь этой станции в районе Заставы Ильича нет, разобрали и застроили домами в начале шестидесятых годов. Меня не хотели брать на работу по малолетству, но я нагло показал паспорт своего старшего брата и меня взяли. На 8 мар-

та я подготовил Вале роскошный подарок: с большим трудом купил огромный букет красных роз и мечту каждой советской женщины – духи «Красная Москва»! Перед торжественным школьным собранием, я при всех подошёл к Вале, встал на одно колено и вручил опешившей от неожиданности красавице подарки! Тут Валино сердце дрогнуло и оттаяло, а я воспрянул духом, и моя любовь разгорелась ещё сильнее.

После этого мы стали сидеть за одной партой. На уроках я рассказывал анекдоты и плёл всякие героические сказки, якобы произошедшие со мной. Валя смеялась и не верила мне. Я не расстраивался и сразу придумывал новую историю. На контрольных я решал сразу по два варианта, сначала Вале, а потом уже себе. Учителя же наоборот, всегда думали, что это она мне помогает, и ставили мне оценку ниже. После школы я всегда провожал Валу до дома. Мы шли, романтично взявшись за руки и болтали, а в другой руке я тащил два портфеля.

Один раз пришлось подраться с её местными поклонниками. Драка не серьёзная – так, бестолковая свалка. Я вырос в рабочем районе, где массовая драка в формате двор на двор или улица на улицу – самое главное и всеми любимое развлечение. Поэтому эти благовоспитанные мамкины сынки из хороших семей, для меня никакой угрозы не представляли. Даже впятером! Они, видимо, тоже так подумали и для страховки вооружились палками и камнями. Но это не помогло, я быстро надавал им по башкам их же палками,

а они случайно поставили камнем огромный фингал мне под глазом и сразу разбежались. Сначала Валя подумала, что эта драка организована мной, а когда увидела заплывший глаз, испугалась, прижалась ко мне и нежно поцеловала в щеку! Впервые! Я чуть не взлетел от счастья!

Иногда мы гуляли в парке, я играл на гитаре и пел песни. Правда, играть я ещё кое-как умел, а вот пел плохо. Но Вале моё мычание нравилось, и она просила спеть ещё. Репертуарчик у меня был ещё тот – сплошной блатняк, да и те три аккорда, которые я знал, тоже назывались «блатные». Единственная приличная песня – «Я московский озорной гуляка...», ну это тоже как посмотреть. Я пытался подбирать другие приличные песни, но из этой затеи ничего не вышло, с моими музыкальными познаниями можно играть только блатные песни, которые как не играй – все правильно!

По вечерам мы ходили в кино, и украдкой целовались на задних рядах. Зимой катались на коньках, летом ходили на пляж купаться и кататься на лодке. Это мне особенно нравилось, Валя кататься на коньках умела слабо, а плавать вообще не могла, и я поддерживал её за руку и за талию, и сильно прижимал к себе. Сам я катался на коньках отлично – тогда в Москве заливали каток в каждом дворе и между дворовыми командами устраивались чемпионаты по русскому хоккею с мячом. Тогда про канадский хоккей с шайбой никто и не слышал. Битва шла не на жизнь, а на смерть и если матч заканчивался вничью, то победитель выявлялся путём

драки на клюшках! Мы сходились стенка на стенку и колошматили друг друга. Тут главное голову беречь, остальное само заживёт.

Плавал я тоже хорошо – все детство проплавал на плоту по Яузе. На Москве-реке нам запрещали это делать – река-то судоходная, а по мелкой Яузе плавай сколько хочешь. Мой плот назывался «Марат» и считался линкором, у нас экипаж аж шесть человек! Вооружены мы были очень серьёзно: у каждого пацана палка, которую мы назвали абордажной саблей, кусок широкой доски вместо щита, крюк на длинной верёвке, и горка камней в качестве ядер! Целые флотилии таких плотов, под завязку забитые орущими мальчишками, некоторые уже с забинтованными руками и головами, собирались на середине реки и устраивали классическую морскую битву: сначала артобстрел камнями, потом флоты сходились для ближнего боя на саблях, затем самое главное – абордаж с захватом пленных и трофеев! Редко какой плот добирался до «порта приписки» с полным экипажем. Большинство пацанов возвращались на берег вплавь. И что характерно – никто не утонул! Все живы. Пробитые в битвах головы – не в счёт. На хоккее и футболе больше травм получали.

Со временем Валя стала приходиться к нам домой, вроде как делать уроки, и засиживалась до вечера. К себе домой она меня почему-то не приглашала. Моя мама кормила нас обедами и ужинами, и зорко следила за целомудренностью

наших отношений. Валя ей сразу понравилась, а вот бабушке, единственной в нашей семье – нет. Она даже за глаза называла её малолетней стервой! А мне говорила:

– Держись от неё подальше, внучек. Такие сами всю жизнь мучаются и другим жизнь ломают. Вот закончишь школу и сразу расставайся с ней. Попомни мои слова, Коленька.

Я не знал, как реагировать на бабушкины слова, ведь Валя казалась мне идеальной во всем! Да и маме с папой она понравилась. Старший брат завидовал мне, а младшая сестра стала откровенно ей подражать! Даже обычно немногословный дед, что-то одобрительное бурчал про неё.

Незаметно прошли два года, настало время заканчивать школу и поступать учиться дальше. У меня проблем с дальнейшим выбором не было, я с самого детства любил небо и самолёты. Много раз был с папой и дедом у них на авиазаводе в Филях. Там я сначала восхищённо смотрел, а когда подрос, стал лазить по самолётам. Сидя в кабине я закрывал глаза и представлял себя несущимся на сумасшедшей скорости сквозь облака, строчил из пулемёта по бесчисленным врагам и, конечно же, побеждал! У меня была только одна дорога – в военное училище лётчиков.

1.2.1 Аэроклуб

Моя «дорога небо» началась не очень красиво. В Третий Московский городской аэроклуб пришлось поступать по «подложным документам». Главное условие поступления: чтобы к началу прыжков курсанту исполнилось 16 лет. Прыжки летом, а день рождения у меня осенью. Не совпадает! А поступить-то очень хочется, ну не год же из-за этого пропускать! Я подумал и нашёл не совсем законный выход. При поступлении в аэроклуб нужно предъявить копию свидетельства о рождении, я написал от руки десять копий (тогда других способов сделать копию просто не было) и в одной указал дату рождения на год раньше! Пошёл заверять печатью у секретаря школы. Она просмотрела первые три, это нудное занятие ей быстро надоело, и она не глядя проштамповала все остальные. А мне только это и нужно было! Я убрал лишние копии, а ту, где я на год старше, отдал в аэроклуб.

Хожу на занятия, изучаю теорию, стараюсь научиться правильно укладывать парашют, прыгаю с вышки, хвастаюсь в школе и страшно собой горжусь. Дело уверенно движется к прыжкам. Вдруг руководитель нашей группы говорит, что перед началом прыжков, нужно принести в канцелярию оригинал свидетельства о рождении! Такого удара я не ожидал! Как я это свидетельство принесу? Да у меня же там совсем

другой год написан! Иду к руководителю, может ещё как-то получится договориться? Не получилось. Он назвал меня балбесом, дал подзатыльник и отправил учиться в Юношескую планерную школу при Центральном аэроклубе в Тушино. Там я и проучился полтора года. Правда, летали в планерке мало, то дождь, то ветер, снег опять пошёл... но мне все равно летать больше понравилось, парашютные прыжки я не люблю.

Только на планере можно ощутить настоящий полет. Только ветер и ты. Никакого тарахтения движка и вони выхлопных газов, лишь свист ветра на виражах. Полное ощущение свободного полёта. Чувствуешь себя как вольная птица. Поймаешь восходящий поток, нырнёшь в него, он вознесёт тебя на высоту, и ты из него планируешь вниз. Оглянешься – вся Москва как на ладони, по реке плывут прогулочные парходики, на другом берегу дымит отцовский завод, вдалеке, в знойном мареве, виднеется Кремль. Вокруг с криками носятся стаи ласточек. Красотища! Ловишь ещё один поток, опять на высоту и снова вниз. Душа разворачивается во всю небесную ширь и хочется петь!

Центральный аэроклуб дал мне очень хорошую характеристику и отправил учиться в Харьковское военное училище лётчиков. Сам я хотел в Тамбовское, дальней авиации, или в Ейск, морской авиации, с моей комплекцией в узкой кабине истребителя очень тесно, да и летать большим экипажем гораздо веселей, чем одному. Ну, раз Родина сказала –

Харьков, значит Харьков. Точнее даже не Харьков, а городок Чугуев! По реке плывёт утюг из города Чугуева, ну и пусть себе плывёт...

А вот у Вали определённости не было никакой. Она хотела стать артисткой, но при этом никогда даже в школьных драмкружках не играла, хотя бурную сцену разыграть могла запросто. Но её родители были категорически против сценической карьеры для дочери: «Ноги твоей не будет на этих подмостках!». Они хотели, чтобы Валя стала врачом или учительницей. Чем они думали? Чтобы брезгливая, изнеженная и избалованная Валя ковырялась в человеческих потрохах? Или учила малолетних балбесов уму-разуму?

Когда Валя поняла, что артисткой ей не стать, она решила поступить в МГУ! Ей было все равно на кого учиться, главное, чтобы в университете. Это же так престижно! Родители тоже загорелись этой идеей и определили её на самый простой, по их мнению, факультет – журналистики! Валя обрадовалась, и уже представляла себе, как она рассекает по разным симпозиумам, премьерам, выставкам и показам, и с умным лицом берет интервью у всяких знаменитостей. Как журналы «Огонёк» и «Советский экран» печатают её фото на обложке. А пределом её мечтаний было стать диктором на телевидении!

1.3 Училище

1.3.1 Знакомство с родителями

За три дня до моего отъезда в училище Валя как-то необычно скромно, потупив взгляд, сказала, что со мной хотят познакомиться её родители. Меня это немного удивило, до этого они не проявляли ко мне вообще никакого интереса. И сам я их видел всего-то один раз, и то, издали. Валю я провожал только до подъезда, и встречал там же, в квартиру ни разу не поднимался. К чему бы это?

Я надел свой лучший костюм (у меня их целых два), хотя я, что в костюме, что без, оставался обычной московской шпаной. Взял у брата модный (стиляжный) шёлковый галстук и отправился на смотрины. Поднялся на этаж, звоню в дверь. Не успел убрать палец с кнопки, как дверь с шумом открылась. На пороге стояла испуганная Валя. Я её такой зашуганной ещё никогда не видел. Обычно она ходит с прямой спиной, грудь вперёд, подбородок высоко поднят, движения плавные, величавые. А сейчас вся какая-то ссутуленная, сутелливая. Валя отошла в сторону и жестом пригласила меня войти. Проходя мимо неё, я слегка задержался, ожидая поцелуя, но Валя поднесла пальчик к губам, округлила глаза и замотала головой: «ни-ни!». Хорошенькое начало! Может

у них в семье что-то случилось, и я не вовремя? Пока разувался, Валя обошла меня и снова только жестом пригласила пройти дальше. Что с ней случилось? Обычно она тараторит без остановки, хоть уши затыкай, а сейчас, как воды в рот набрала!

Осмотрелся, большущая квартира. Я в такой уже раз бывал, только та была старая коммуналка, и жило в ней семей шесть, а тут они, похоже, одни. Они по ней наверно на великах разъезжают? Тут забудешь, зачем шёл, пока с одного конца на другой доберёшься. Интересно, а сколько их тут живёт? Человек десять, не меньше. Мы всемером в четырёх комнатах отлично живём, а тут не меньше пяти комнат. Валя шла передо мной, плавно покачивая бёдрами, и показывала дорогу, на стенах висели картины маслом в золотых рамах и какие-то военные фотографии.

Заходим в огромный зал, там за гигантским, накрытом белой скатертью столом, сидят крестьянского вида неприметный мужичок с красным лицом и крупная, высокая, колоритная, красивая кубанская казачка, с обвёрнутой вокруг головы чёрной косой. Наверно родители. Я, откровенно говоря, слегка обалдел от такого приёма. Я ожидал чего-нибудь попроще.

Как только мы переступили порог зала, мужичок встал и быстрым, резким шагом подошёл, задрал голову вверх и уставился на меня. Рассматривал с минуту, а потом буквально прокричал:

– Кто такой? Как зовут?

Тут я совсем растерялся и проямлил:

– Коля.

Мужичок сразу расшаркался:

– Я вижу, что не Маня! Представляйся по форме, как положено!

– Николай Ржевский!

Он слегка хохотнул.

– Откуда взялся?

– Учился с вашей дочерью в одном классе.

Мужичок резко глянул на Валю:

– Что, правда, этот поручик с тобой учился?

Валя испуганно закивала: да-да.

– Это все? А где ещё учился? – продолжал кричать он.

– В Юношеской планерной школе, – про аэроклуб я решил благоразумно промолчать.

– Да? – Удивлённо протянул он, – это уже интересно, а ну-ка садись, расскажешь. – И ткнул мне пальцем на место за столом.

Только мы присели, мужичок кивком головы дал знак жене, и та певуче, с сильным южнорусским акцентом:

– Халю!

В дверях мгновенно появилась вусмерть перепуганная, высокая симпатичная домработница Галя с огромным подносом в руках. Она была одета в простое ситцевое платье, на голове накрахмаленный кокошник, на поясе повязан та-

кой же жёсткий накрахмаленный передник. Как позже выяснилось – Галя не совсем домработница, а дальняя родственница Валиной мамы, которую взяли с хутора «на воспитание».

После того как Галя молниеносно сервировала стол, Валин папа командным голосом:

– Ну, давай, сынок, докладывай, как теперь в Тушино летают. А то мне твои начальники из ДОСААФа все золотые горы обещают.

Я детально рассказал про порядок, организацию и проведение полётов. Папа меня периодически перебивал, и задавал вопросы с подковыркой. Когда я закончил, он смягчился и сказал:

– Добре! Не врут твои начальнички, за это дело не грех и выпить.

Тут же подскочила дрессированная Галя, налила в рюмку водки, подцепила вилкой солёный огурчик, спряталась за его спину и встала в позе правофлангового на параде – грудь колесом, носки на ширину ружейного приклада. Папа выпил, смачно крикнул, Галя тут же подала ему в руку вилку с огурцом. Он с хрустом откусил и продолжил:

– Ну, а дальше какие планы?

– Аэроклуб отправляет меня в Харьковское истребительное.

– Добре, хорошее училище. А я в Серпухове учился, с Валеркой. Знаешь такого?

Я кивнул, хотя не понял про кого он говорит.

– Это хорошо, что ты Чкалова помнишь. – Папа одобрительно похлопал меня по плечу, и повернувшись к жене, – а ты говоришь, они ничего не знают. Смотри, этот вроде головастый попался.

И тут безо всякого перехода:

– Все, свободен!

Валя быстро встала и рукой пригласила меня к выходу. Я был полностью ошарашен таким поворотом, но подходя к выходной двери, Валя обняла меня, на лице у неё играла счастливая улыбка, поцеловала и тихо прошептала:

– Все прошло замечательно, папа очень тобой доволен. Ты – молодец! Я тебя очень люблю. Вечером жди.

Ещё раз поцеловала и выставила за дверь. Совершенно ничего не понятно! Чем он доволен? И вообще, кто её родители?

Вечером я допросил Валу с «пристрастием». Оказывается, её папа заслуженный лётчик-истребитель, большой авиационный генерал. Дважды Герой Советского Союза, первого героя получил ещё в Испании, второго за Оборону Москвы. Папа запретил ей про себя рассказывать, поэтому она молчала и домой к себе никого не водила. Кругом одни тайны.

1.3.2 Чугуев

Я поехал в Чугуев и без особых усилий поступил. Была только одна небольшая проблема: медики очень засомневались, что я смогу уместиться в кабине истребителя. Обмеряли меня и так, и сяк, все никак не могли решить. Пришлось мне самому идти к председателю комиссии и доказывать ему, что если я в зимней одежде в кабинке маленького планера помещался, то в истребителе уж точно помещусь. Председатель комиссии, послушав меня, сразу предался воспоминаниям: оказывается, он тоже в юности на планере летал. Мы обсудили особенности безмоторного полёта, он расчувствовался и подписал мне все необходимые бумаги. Между нами: кабина планера шире, чем кабина истребителя, и сверху фонарь голову не прижимает, но я об этом скромно промолчал, а председатель, похоже забыл.

Валя с папиной помощью поступила на журфак МГУ, правда, учиться там ей совсем не понравилось. Она ожидала, что её сразу после вступительных экзаменов отправят на какую-нибудь интересную выставку или премьеру, чтобы она потом поделилась своими высокоумными впечатлениями с читателями красивых иллюстрированных журналов. Но вместо этого её заставили ходить каждый день на лекции, сдавать сессии и писать скучные курсовики. Со временем она поняла, что пробиться в журналистике также трудно, как

и в литературе, а быть репортёром в заводской многотиражке она не хотела. «Не тот полёт» – говорила она. Правда, училась она хорошо, но я очень подозреваю, что ей помогали сослуживцы-ухажёры, как когда-то я в школе. Интересно, а как она с ними расплачивалась? Со мной – поцелуями, а с ними? Что-то я об этом в училище не думал. Ну не за красивые же глазки они за неё учились!

Четыре года в училище пролетели быстро. Я с удовольствием летал и учился и к выпуску считался достаточно перспективным лётчиком. Суровая воинская дисциплина мне была не в тягость, да, если честно, нас особо и не гоняли, больше словесно давили на нашу сознательность. Мы же лётное училище, а не пехотное, бегать в противогазах или отжиматься в качестве наказания – не наш профиль. Нас без лишних разговоров просто отстраняли от полётов. Это на самом деле суровое наказание.

Несмотря на то, что мы истребительное училище, дела с аварийностью обстояли неплохо. Пока я учился, случилась только одна катастрофа с курсантом, как раз с моего курса. За полгода до выпуска, на его самолёте прямо в воздухе отказал двигатель. Ситуация хоть и крайне опасная, на самолёте всего один двигатель, но штатная, весь порядок действий подробно расписан в «Инструкции лётчику». Бывший с ним на борту лётчик-инструктор решил посадить самолёт на ближайшую по курсу подходящую площадку, которая оказалась свежеперепашанным полем. Но с воздуха он этого не разгля-

дел, и сажал самолёт не на брюхо, как положено, а с выпущенным шасси. На посадке передняя стойка подломилась, самолёт уткнулся носом в землю и скапотировал (перевернулся через нос). А курсант перед посадкой, на всякий случай решил подстраховаться и схватился за ручки катапульты. От удара его подбросило вверх, он потянул за ручки, и катапульта выстрелила! Так его креслом к земле и прибило. Насмерть.

В отпуске и на каникулах я приезжал домой и встречался с Вале́й. Теперь мы почти не гуляли по паркам, а в основном ходили на концерты, в театры и в рестораны. Москва жила своей бурной и весёлой жизнью, не то, что Чугуевское захолустье. Я соскучился по такой жизни и жадно впитывал в себя московскую атмосферу. Валя познакомила меня со своими одноклассниками по универу. Парни не произвели на меня впечатления – так, обычные «очкарики». И девушки, кстати, такие же. Но зато, сколько у них заумных разговоров! Я эти разговоры не очень понимал, но зато прекрасно понимал другое – они плетут Вале такие же сказки, как и я, только подход у них другой. На героев они совсем не похожи, вот и пытаются взять интеллектом. Зря. Интеллектом её не завоевать: она ценит юмор и силу. Ваши умности она пропускает мимо ушей, и терпит вас только от скуки.

Валя расцвела и стала настоящей красавицей. Взгляд стал самоуверенный, даже слегка наглый, в голосе появились командные нотки. Очкастые ботаны бестолково метались во-

круг неё и заглядывали в рот, ожидая нового приказа. Похоже Вальке нравилось быть предводительницей ботанов! Она и меня пыталась записать в своё послушное стадо, но я пресёк это дело на корню, я люблю её, конечно, но на шею сестры не дам. Ботанам нравилось, что ими командует самая красивая девушка в универе, меня же они боялись и уважали. Мои сказки про полёты-самолёты девчонки слушали, раскрывши рот, а под их заузное нудение засыпали. Ну и, конечно, ни один ботан не мог сделать, то, что может сделать коренная московская шпана. Прыжок с разбега через турникет в метро, свистки дежурных и милицейская погоня производили на девушек неизгладимое впечатление! Девчонки любят хулиганов, мужиков способных на настоящий поступок. Пусть даже ненужный и бестолковый. А прыжок с десятиметровой вышки в бассейне «Москва»? Чахлый ботан даже на трёхметровую вышку смотреть боялся, не то, что прыгать! Я же мог запросто сигануть с любой! Эх, отличный был бассейн! Работал круглогодично, я часто с Валею в него ходил, зимой открытая вода парит, нырнёшь в него, на улице мороз, а в воде тепло, красота! Сейчас бассейн засыпали и на его месте вновь построили Храм.

На третьем курсе Валя со своей мамой, приезжали ко мне в училище. Погуляли по Чугуеву. Город Валю разочаровал – она ожидала увидеть здесь Москву в миниатюре, а не глухое захолустье. Зато её сильно озадачили местные жители, особенно жительницы. Она думала увидеть здесь сплошь неотё-

санную деревенщину в залатанных зипунах, а не красивых, как на подбор, казачек! На их фоне Валя терялась и отличалась только модной и стильной одеждой. Это было ей крайне неприятно, она же привыкла всегда быть в центре внимания, а тут от обилия красоты у мужиков глаза сами разбежались. Хорошо оглядевшись вокруг, Валя сделала чисто женские выводы:

– Ну и как они?

Я сначала даже не понял про кого она говорит. Но Валя строго посмотрела на меня, потом обвела взглядом вокруг и даже развела руками в разные стороны, и недовольно:

– Они!

– Девчонки-то? Да, не переживай, Валя! Ты – самая лучшая!

Валька сразу засомневалась.

– И что, неужели ни с одной?

– Нет, Валюш, у меня есть только ты!

И я обнял её, и поцеловал. Валя заулыбалась, хотя кое-какие нехорошие мыслишки в её головке зашевелились. Надо сказать, что я честно пытался хранить верность Вале. Хотя был знаком со многими девчонками, но в основном они были подругами моих друзей. А с теми, которые были «холостые», дальше приятельских отношения не шли. Правда была одна, очень красивая – Катька, вот она могла запросто обставить Вальку. Причём по всем статьям сразу. Катька была не совсем местная жительница – она дочь офицера, служив-

шего в училище. Я крепился как мог и старался держаться от неё подальше. Получалось это правда далеко не всегда, можно сказать – редко, Катька мне буквально прохода не давала! Но я относился к ней просто, как к подружке, а вот она совсем не так! Она действовала очень решительно, и успокоилась только когда увидела на моем пальце обручальное кольцо. Да и то, совсем не сразу!

Маме же, напротив, в Чугуеве понравилось все! Она самоабвенно «гыкала», «шокала» и пыталась говорить на местном суржике. Она громко восхищалась всем что видела, азартно торговалась на базаре и чувствовала себя как дома, на Кубани. Валина мама приехала не только чтобы окунуться в быт украинской глубинки, у неё были дела и поважнее. Во-первых, она проверила меня в так сказать «естественной среде обитания». И, вроде, как осталась довольна. Во-вторых, она постоянно делала мне недвусмысленные намёки, мол, девица все в соку, но скоро начнёт вянуть, чахнуть и превращаться в «старую деву – синий чулок». Пора бы уже ей и предложение сделать. Глядя на пышущую молодостью и красотой Вальку, сделать такое предположение мог только закоренелый пессимист. Валька при этом делала вид, что ничего не слышит и не понимает мамины намёки, но всегда загадочно улыбалась и сильнее прижималась ко мне.

Вообще Валя вела себя здесь не так как в Москве. Я за просто хлопал её по попке, тискал, щекотал и обнимал, когда хочу. Тут Валя стала гораздо ближе и роднее. Отбросив

всю ненужную московскую шелуху, она стала нормальной девушкой: когда было смешно – смеялась, когда было грустно – могла пустить слезинку. Она была не суровой предводительницей ботанов, а счастливой девчонкой, которая приехала в гости к своему жениху. Ей не нужно было притворяться, местным было все равно москвичка она, или потомственная жительница деревни Ерепеевка! Валя весело и искренне смеялась, шутила, строила озорные глазки и дурачилась.

В отпуске, после третьего курса я сделал Вале предложение. К моей радости Валя сразу согласилась. Свадьба была скромная, хотя сто человек гостей, только со стороны невесты, скромной не назовёшь. Да и ресторан «Прага» на Арбате, тоже не придорожная забегаловка. Но тёще виднее: скромная – значит скромная, я не против. Первую свадебную ночь мы провели у её родителей на даче. Мы были молодые и неопытные, и у нас получилось не так красиво, как это расписывают в книжках. Но мы были счастливы. Мы целовали, обнимали и любили друг друга, все не могли насытиться. Уже под утро Валя нежно обняла меня, положила голову на грудь и заснула.

1.3.3 Распределение

На крайних училищных каникулах у меня с тестем был серьёзный мужской разговор. Тесть – бравый боевой генерал, смачно раскурил ядрёную папиросу, опрокинул себе в рот сто граммов водочки, и, не предложив мне ни того не другого, перешёл к делу:

– Где служить планируешь, сынок?

Я опешил от такой прямоты. По моим курсантским представлениям, распределение мест службы молодых офицеров должно происходить где-то там, на самых верхах, а не за кухонным столом. Я собрался с мыслями и наивно ответил:

– Куда Родина пошлёт.

Тесть подавился дымом, откашлялся и грозно глядя на меня прорычал:

– Смотри сюда! Родина – это я! Куда скажу туда и поедешь. Ещё раз спрашиваю: где хочешь служить?

Я понял, что отвечать нужно прямо, строго по Уставу:

– Товарищ генерал, разрешите оправиться на Дальний Восток? – И тихо добавил, – всегда мечтал увидеть Тихий Океан.

Я тестя только так и называл: «товарищ генерал» и никак иначе. А он «сынками» называл всех, кто младше его, независимо от чинов и званий. Он даже сына Сталина называл исключительно «Васька», который одно время был у тестя

в подчинении. Как-то раз, я крайне неосторожно назвал его по имени-отчеству. Тесть сразу побагровел, выпучил глаза и зарычал:

– Ты что курсант, нюх потерял? Какой я тебе Иван Фёдорович! Глаза разуй и на погоны мои посмотри! Генерал я! Запомни, сынок. Ге-не-рал! Понял?

Тесть хоть и был в домашней рубашке, но я живо представил себе по три огромные генеральские звезды у него на плечах, и прочувствовал какая между нами пропасть, несмотря на родство.

Услышав про Дальний Восток, генерал вдруг смягчился, и по губам пробежала тень улыбки.

– Правильно, сынок. Я тоже там начинал. Потом ещё раз, после Испании, туда вернулся, на Халкин-Голе желтолицых япошек на И-15 гонял. Эх, хороший был самолёт! Ветер в харию, движок гремит поршнями, самолёт трещит всеми костяшками на виражах, пулемёт строчит, с врагом встречались так – глаза в глаза. Эх! Не то, что сейчас: гермокабины, автопилоты, локаторы и ракеты. Пальнул ракетой в белый свет как в копеечку, а попал, не попал даже не видно! Тьфу!

В доказательство своих слов он с силой треснул по столу кулаком:

– Понял, как летать надо?

– Так точно, товарищ генерал!

Потом он наморщил лоб и задумался. Видимо вспомнил, что его дочь тоже поедет туда, на самый край земли.

– Скажи, Коль, а ты дальше Москвы хоть раз в жизни отъезжал?

– Конечно! С родителями в Крым два раза ездили. Один раз до войны и раз в шестом классе. Ну и училище, тоже не в Москве.

– А ты что, во время войны, в эвакуации не был? – Удивился он.

– Нет. Я всю войну здесь. У меня даже медаль «За оборону Москвы» есть. По крышам и чердакам бегал, «зажигалки» немецкие гасил, – гордо сказал я.

– А почему не уехал? Фронтowej романтики захотелось?

– Да нет, мой папа тогда был старшим мастером ремонтного цеха на авиазаводе в Филях, с самого начала войны на казарменном положении, и эвакуации не подлежал. А мама отказалась ехать одна, без мужа. Вот так папа, мама, мы – два брата, младшая сестра и бабушка в Москве и остались. Один дед на фронте был – кузнецом в полевой авиамастерской.

Генерал подумал.

– Ну, добро. Дальний, значит Дальний. Все, свободен! И ещё, Вальке про наш разговор ни-ни. Остальным тоже про это знать не положено. Понял?

1.4 Дальний восток

Валька, как узнала про Дальний Восток, то сразу расстроилась. Нет, даже не расстроилась, у неё случилась настоящая истерика! На выпуске из училища она прочитала моё предписание о дальнейшем прохождении службы, округлила в ужасе глаза, закрыла лицо руками, уткнулась головой мне в погон и зарыдала в голос! Я впервые попал в такую ситуацию и растерялся. Попытался обнять Вальку и как-то успокоить, но она как закричит:

– Не трогай меня! – и стала сбрасывать мои руки.

Но я применил силу и все равно обнял её обеими руками, крепко прижал к себе, стал гладить по волосам и нежно говорить:

– Моя любимая, единственная, не плачь, все будет хорошо. Главное, что мы вместе!

– Ну и что, что мы вместе? Кому нужен этот Дальний Восток? Что я там буду делать?

Я не придавал значения этим словам и продолжил успокаивать её дальше. А зря. Это был первый «звоночек».

К новому месту службы, на Дальний Восток, я поехал один. Валька не захотела сразу ехать и обещала подъехать попозже, когда я устроюсь на новом месте. В общем-то, правильно. Я сам понятия не имел, что меня там ждёт. Мне все представлялось в романтично-розовом цвете: могучий Ти-

хий океан, кругом сопки...

Эх, велика Россия-матушка! От Москвы до Хабаровска целая неделя на поезде. Всю дорогу я, не отрываясь, смотрел в окно. Мимо проносились города, леса и степи. Поезд гудел в горных тоннелях и грохотал на мостах, переносился через широкие реки. Время заметно сдвинулось и солнце стало вставать раньше, чувствовалось, что я еду на восток, ближе к рассвету.

В Хабаровске, в штабе Дальневосточного военного округа, меня распределили на аэродром Альбатрос на Курильском острове Шутуруп. На самый-самый край русской земли. Дальше – только Тихий океан.

1.4.1 Шутуруп

Валька была права на счёт Курил. Когда я с большим трудом, на перекладных, туда добрался, то у меня сложилось впечатление, что война с Японией здесь закончилась не десять лет назад, а только вчера! Или даже сегодня утром. Кругом разруха и полное запустение.

У острова оказалась интересная история. Аэродром, где мы располагались, был построен ещё японцами. В декабре 1941 года в находившейся рядом бухте Акулья, по-японски Хитокаппу, главком императорского флота адмирал Нагумо назначил рандеву авианосцев и кораблей охранения. В бухте, и на подходах к ней, собрался почти весь японский флот, сотни самолётов перелетели с нашего аэродрома на авианосцы. Когда все было готово, адмирал построил своих самураев и объявил о цели предстоящего похода: курс на Гавайи, громить американский флот в бухте Перл-Харбор! Япошки тут же пришли в неистовый восторг, стали вопить «Банзай!», «Слава императору!», и зачем-то открыли беспорядочную стрельбу по острову. Хорошо, что не из пушек.

Американские моряки в белой форме построились на палубах кораблей для торжественного поднятия флага, когда, ровно без пяти восемь, на них посыпались бомбы и устремились торпеды. Через десять минут огромный, размером с два футбольных поля, линкор «Оклахома» получил тор-

педу и лёг правым бортом на дно бухты, хорошо, что она мелкая, а то бы он точно утонул. В стоящий рядом линкор «Аризона» попала бомба, которая пробила броневую палубу и взорвалась прямо в артиллерийских погребах! Снаряды в погребах сдетонировали так, что от взрыва линкор чуть не выскочил из воды! Потом переломился пополам и сразу затонул, унеся с собой больше тысячи моряков. За полчаса налёта японцы потопили пять крупных кораблей и ещё с десятков серьёзно повредили. По сути американский тихоокеанский флот перестал существовать! Японцы же отделались потерей всего трёх десятков самолётов. Это была первая, но и последняя крупная победа японцев. Все остальные битвы и на море, и на суше они с треском проиграли, теряя, в среднем, по семь бойцов на одного американца! Боевой самурайский дух плохое оружие против кадровой армии европейского образца.

Кстати, японцы оказались очень своеобразными вояками. В открытом бою они проявляли сумасшедший фанатизм, но полное непонимание методов ведения современной войны – они могли запросто устроить сабельную атаку на глубокоэшелонированную оборону американцев! Буквально, с саблей против пушек! Все японские боевые планы были сложными, запутанными и совершенно фантастическими! Такое чувство, что их составляли не умудрённые опытом седые генералы, а зелёные новобранцы! Вне боя японцы были до крайности жестоки и к врагам, и к своим.

К врагам они относились так. Для поднятия своего боевого духа японские морские офицеры исполняли древний самурайский ритуал – съедали сырую печень поверженного врага! Врагами оказались пленные (!) моряки из концлагеря! Человек пятьдесят американских и австралийских моряков стали жертвой такого ритуала.

Своих японское командование ценило ничуть не выше. При штурме американцами марианского острова Сайпан у япошек сразу сложилось критическое положение, и они начали отступать по всем направлениям. Но император взбодрил своих подданных таким приказом: теперь нет разницы между военными и гражданскими, ранеными и здоровыми! Все должны идти в бой! У кого нет оружия, тот должен сделать себе бамбуковое копье! (Представьте себе: на танк с деревянной палкой!) Гражданским в плен не сдаваться, а покончить жизнь самоубийством! Да-да, именно так – самоубийством! Японцы целыми семьями, взявшись за руки бросались в море с высокого утёса. После захвата острова обнаружилось почти пятьдесят тысяч погибших японцев, из них половина – гражданские, при совершенно незначительных потерях американцев. В живых на острове осталось всего около девятисот человек.

Чтобы покончить с япошками расскажу ещё один курьёзный случай. Когда в сентябре 45-го на соседний остров Кунашир высадились наши войска в составе всего одной роты их уже встречал командир многотысячного японского гарни-

зона с белым флагом, так что боя не получилось. При осмотре острова на нем обнаружился склад военных сапог. Но что интересно – все сапоги были только левые! Японское командование так сильно доверяло своим самураям, и что хранило левые и правые сапоги даже не на разных складах, а на разных островах! Похоже воровство достигло ужасающих размеров, раз они до такого не додумались! Принято считать, что потеряв честь, самурай сразу хватается саблю и сразу делает себе харакири, но, видимо, грабёж складов с сапогами не входит в перечень недостойных самурайских дел. Действительно, ну не из-за какой-то же обуви пузо себе вспарывать!

Кстати, похожая картина была в английском флоте. Слышали выражение «проходит красной нитью»? Красивое выражение, а вот происхождение совсем не красивое. С целью пресечь массовое воровство с флота канатов, тросов и прочих, королева приказала в каждую флотскую верёвочку вплетать красную нить, да так, чтобы её невозможно было вынуть! Дабы их лордства с подчинёнными не растаскивали королевское добро.

Шутуруп – длинный и узкий, весь покрытый сопками, островок. Местного населения там всего пара тысяч, да и те переселенцы из разных мест. За долгие годы, пока здесь хозяйничали японцы, коренное население было изведено под ноль. Остальные – это военные, тысяч пять-шесть. Наш

полк с двумя аэродромными батальонами, пехотный полк, несколько артиллерийских батарей, пограничники, радио-разведка. Можно сказать, что остров – это один большой гарнизон.

Наш аэродром находился прямо на берегу Тихого океана. Рядом с аэродромом был небольшой причал, от которого в 1960 году (когда меня уже здесь не было) во время шторма унесло в море баржу с четырьмя матросами. Они сорок девять дней болтались по океану без еды и воды, варили и ели ремни и сапоги, пока их не подобрал американский авианосец. Из матросов потом героев сделали и наши, и американцы. В Америке их лично встречал губернатор штата Калифорния и подарил золотой ключ от Сан-Франциско, а местные музыканты, в честь одного из матросов написали песню – Зиганьшин-буги! Говорят, очень популярная была.

На аэродроме место привычного бетона, лежали дырчатые металлические полосы, доставшиеся нам ещё по ленд-лизу. До этого такие полосы я видел только на заброшенных с войны полевых аэродромах, а тут – нормальный, постояннодействующий! Взлётно-посадочная полоса здесь больше походила на стиральную доску. Как на ней самолёты ещё шасси не переломали? Хотя сами самолёты были новые. По стратегическим планам наш полк должен был первым принять на себя удар со стороны Японии.

Жилой городок располагался чуть дальше, вглубь острова, среди сопок, и назывался «Уши-городок», от японского

«ушиनावарета» – потерянный. Если даже у япошек, которые сами на краю света живут, он потерянным считался, что ж тогда для нас? Жизнь на острове оказалась тяжёлая и суровая. На острове аж двадцать вулканов, из них девять – действующие! На севере острова тайга, на юге непролазные бамбуковые джунгли. Много обрывов, ручьёв и водопадов. Есть красивейшие места – один водопад «Девичьи косы» чего стоит! С океана дует промозглый ветер, часто штормит, тайфуны, с октября по март землетрясения и цунами, а когда шторма нет, то остров обволакивает густой, как молоко, туман. Зимой не очень холодно, но за ночь может навалиться столько снега, что утром из домов вылезают через крышу. Без шуток, реально по три метра снега за ночь! Сырость и влажность, океан холодный, не покупаешься. С другой стороны острова Охотское море, оно вроде как тёплым считается, но по мне такое же холодное.

Бытовые условия тоже были ужасные, несколько старых бараков, внутри разделённых фанерными перегородками на множество мелких комнатушек, отопление печное, туалет во дворе. В бараке, вдоль длинного коридора, который назывался «взлётка», на верёвках сушилась одежда и бельё, включая женское. Баня – одна на всех, и для солдат, и для семей офицеров. Парикмахер – жена одного сверхсрочника – Маша. Да... Вальке это точно не понравится. Хотя, что жаловаться – тогда в таких условиях жило полстраны. В некоторых гарнизонах было ещё хуже: казарму просто перегора-

живали простынями!

Но прослужив там три года, я полюбил этот край. Бывало, залезешь на сопку и смотришь на океан. Тишина, покой... Вслушиваешься в ветер, как будто на планере летишь. Красота, умиротворение в душе... Можно часами сидеть и смотреть. Главное, чтобы медведи, которых тут множество, не решились, что ты ждёшь их на ужин. А какие там люди! Такого дружного и душевного коллектива я больше никогда нигде не встречал.

Прямо в день прибытия на остров я получил комнату в бараке и стал готовиться к приезду Вали. Ну, комната – это сильно сказано – скорее это был пенал два на три с половиной метра. Через стены было слышно все, что делают соседи. Как у Ильфа и Петрова в общежитии имени Бертольда Брехта, только в той преимущественно целовались, а у нас делали детей, притом массово и каждую ночь! Бывало и днём, это уж как полёты спланируют.

Я мебелировался, насколько это возможно. Нашёл две старых солдатских тумбочки и стол. Вместо армейских кроватей, я из старой бомботары (круглые ящики от бомб) сколотил двуспальную деревянную кровать. Скрипучие панцирные кровати совсем не способствуют укреплению семейных отношений и продолжению рода. Кстати, у меня очень даже прилично получилось – настоящая военная кровать, цвета

хаки. Потом многие такие кровати сделали.

Письма Вале я писал часто, звал её к себе и всячески расхваливал красоты курильской природы. Но Валею красоты мало волновали, её больше интересовало житьё-бытьё. Я как мог, уклонялся от прямого ответа и снова плёл сказки про природу. В конце концов, она заставила меня в деталях описать всю местную жизнь, но я проявил чудеса дипломатии и ничего толком не сказал. Наш старый барак я обозвал старинным зданием, пенал – скромной, но уютной комнатой, тайфуны и ураганы – лёгким вечерним бризом... И все в таком духе. Валя очень сомневалась в правдивости моих рассказов и задавала ещё больше вопросов, чисто по-женски пытаюсь поймать меня на несоответствиях. Я даже пару раз попадался! После этого пришлось писать ещё более неконкретно. Тогда я ещё очень любил её и сильно тосковал. Мне хотелось, чтобы Валя поскорее приехала ко мне, и мы вместе заживём счастливой семьёй. Родим детей, заведём хозяйство. Эх, мечты, мечты...

Валя, как дочь большого генерала, прилетела из Москвы на Курилы напрямую военным бортом, чем вызвала немалый переполох в гарнизоне. Командир нашего полка как узнал, что к нам летит из Москвы «главкомовский» борт, побросал все дела и помчался лично встречать самолёт на аэродроме. Он ожидал увидеть высокую московскую комиссию в составе толстых генералов в папахах, и был очень удивлён, когда с трапа сошла только одна Валька!

Пока мы шли к нашему барaku, Валька не проронила ни слова, только с ужасом оглядывались по сторонам. Особенно её поразили курящиеся вдоль всего острова вулканы. А когда увидела комнату, села на кровать и зарыдала. Потом бес- сильно повалилась на постель и заснула. Мне так стало её жаль, Валю выхватили из тёплого уюта московской кварти- ры и бросили на холодный и нелюдимый край земли. Да тут кроме поросших тайгой сопok вообще ничего нет! Со- всем! Тут даже выйти некуда. Ещё она привезла сюда пла- тьев аж два огромных чемодана «гросс Германия». Кому она все свои наряды показывать будет? Чайкам? Или медведям? А с другой стороны, я был очень рад и счастлив, что Валя со мной. Мне казалось, что вместе мы победим любые труд- ности, сложности и проблемы. Что наша любовь поможет нам во всем. Любящие сердца бьются в унисон...

1.5 Стерва

Наутро началась наша семейная жизнь. Я встал пораньше и тихо, чтобы не разбудить Валю, приготовил завтрак и заварил чай на местных душистых травах. Но все это зря. Валя спала до обеда, сказала, что разница с Москвой в 9 часов, а когда проснулась, была нервной и раздражённой. Я быстро приготовил завтрак заново, но Валя есть отказалась, пригубила только чай, обозвала его «бурдой», и пить больше не стала. Недоброе начало. Чтобы как-то разрядить обстановку, я присел рядом и попытался её обнять. Но Валя, истерично взвизгнув, отскочила от меня как ужаленная!

– Не прикасайся ко мне!

Потом упала лицом в подушку и громко зарыдала. Вот это да! Что это с ней? Конечно, характер у неё не самый простой, но истеричкой она никогда не была. Ладно, подожду. Местные предупреждали, что многие молодые жены, приехав сюда и увидев здешнюю жизнь, впадали в ступор или в истерику. А потом ничего, привыкали.

На следующее утро я пошёл на полёты и вернулся только к вечеру. Растрёпанная Валя сидела на разбросанной постели и невидящим взглядом смотрела в угол.

– Привет, любимая! – как можно веселее сказал я, – как спалось? – присел с ней рядом и обнял за плечи.

Валя даже не посмотрела на меня. Какими-то судорож-

ными движениями она скинула мои руки и снова уставилась в угол. Так и просидела до вечера. Я приготовил ужин, но есть она снова отказалась. Я уже стал волноваться, она третий день ничего не ест!

– Валюша, милая, поешь хоть чуть-чуть. Давай я тебя с ложечки покормлю.

Я стал смеяться и изображать из себя маму, которая хочет накормить капризного ребёнка. Но мой «ребёнок» только нервно поджимал губы и отворачивал голову. Я продолжал веселиться и говорил:

– Открой, милая, ротик, ням-ням, как вкусно.

Валя никак не реагировала. Я оставил эту пустую затею, взял её за плечи, хорошенько встряхнул и серьёзно спросил:

– Что ты будешь есть?

Она перевела взгляд на меня, в глазах у неё была такая злоба, что у меня пробежали мурашки по коже.

– Я хочу какао, – отдельно произнесла она.

Ну, хоть что-то. Правда, где его в такой глуши взять? Пойду, схожу в лётную столовую, там бывают запасливые поварахи и официантки. В столовой женщины отнеслись к моей проблеме с пониманием и дали мне немного какао и кофе с цикорием. Потом наперебой стали меня успокаивать и вспоминать, как сами плакали горючими слезами, когда впервые попали сюда.

Когда я вернулся, Валя уже лежала и, похоже, спала. Я быстро привёл себя в порядок, лёг рядом и обнял её. Валя ти-

хо заплакала. Мне снова стало её жалко, я прижался поближе, стал гладить и ласкать. Обычно это ей нравилось, а сейчас она не обращала на это внимание. Так и заснул. Наутро мне нужно было вставать рано – заступал в наряд на сутки.

Наряд был спокойный и в обед я отпраился сходить домой, проведать жену. Вовремя пришёл! Валя сидела на своём чемодане прямо перед входом в барак! Всегда уделявшая своей внешности повышенное внимание, сейчас она выглядела ужасно: нечёсанные волосы кое-как собраны в пучок, под глазами синяки, щеки впали, на губах нервная дрожь. Сама бледная как полотно. И квадратные, полные ужаса глаза. Увидев меня, она истерично закричала:

– Ты не представляешь, что здесь было! – и, не дожидаясь моего ответа, как завопит, – Землетрясение! Немедленно отвези меня домой! Я всего здесь боюсь и все ненавижу! Ты обманул меня! Притащил в эту дыру, где только ссыльным каторжанам место! Будьте прокляты эти Курилы!

Да, днём слегка тряхануло, балла два-три, здесь это за землетрясение не считается, тут такое каждый день бывает. Если до этого я Валю жалел, то сейчас она вывела меня из себя! Я грубо схватил её за руку и силой затащил в комнату. Там бросил на кровать, кинул вдогонку чемодан и ушёл, закрыв дверь на ключ. Пусть одна посидит, может поумнеет. Как она собралась отсюда уехать? Или она думает, что папа пришлёт за ней персональный самолёт? Это сюда он её самолётом отправил, а обратно он её совсем не ждёт! А по-

другому уехать отсюда на материк крайне сложно. Самолёты сюда летают редко, пароходы ходят ещё реже. Да она на чемодане может тут две недели просидеть!

Вечером я не пошёл Валу проверять. Пусть сама перебежится. Пришёл только утром, как сменился с наряда. Она уже не спала и, похоже, ждала меня. Странно, что она задумала.

– Уже не спишь? – вместо приветствия сказал я.

– Уже нет, мой милый, – неожиданно улыбнувшись, спокойно ответила Валя.

Я удивился. Ещё вчера она проклинала всех и вся, а теперь вдруг одумалась? С чего бы это? Может это последствия землетрясения? Что-то у неё в голове встало на нужное место? Ладно, нужно искать компромисс. Наша совместная жизнь только начинается, нужно обвыкнуться, притереться друг к другу.

– Завтракать будешь? – улыбнувшись ей в ответ, спросил я.

Она хитро улыбнулась:

– Если угостишь, то с удовольствием!

– А ты хорошо себя будешь вести?

Валя наигранно надула губки и немного обиженно:

– Конечно буду, я же у тебя самая лучшая!

Я рассмеялся, а Валя быстро встала с кровати, обняла меня за шею и крепко поцеловала. Потом стала целовать лицо, шею и снимать с меня шинель, китель, рубашку... Милая моя, что же ты делаешь... Валя скинула с себя халатик,

прижалась ко мне полностью обнажённым телом – хочешь, я всегда буду голой ходить? – потянула за шею и повалила меня на кровать. Да пора бы уже и кровать обновить! Мы очень старались и доставили друг другу большое удовольствие. Валя заливисто смеялась и стонала на весь барак. Пришла соседка и, извиняясь, сказала, что она нас очень понимает, но ребёнок спрашивает: что там дядя с новой тётей делает! Валя прыснула в подушку, давясь смехом, поднесла пальчик к губам и нетерпеливыми жестами: давай, давай скорее, я уже не могу! Вот оно счастье, о котором я мечтал. Через час мы лежали совершенно уставшие.

Вдруг Валя резко села на кровати:

– Ты же голодный! Как я могла забыть! – она быстро встала, с разворотом накинула халатик, показав всю красоту своей обнажённой фигуры, хитро подмигнула и выбежала из комнаты.

Никак сама завтрак приготовила? Я первый раз в жизни буду есть её стряпню. Интересно, что она приготовит? Через десять минут вернулась вся гордая из себя Валя: в одной руке она держала тарелку, а в другой дымящуюся кружку.

– Закрой глаза. Это сюрприз.

Я засмеялся:

– Как в детстве: закрой глаза, открой рот?

Валя шутливо нахмурилась брови, и я закрыл руками глаза.

– Не подсматривать!

Она аккуратно села на постель:

– Я очень постаралась, приготовила для тебя, мой любимый, деликатесы.

Я открыл глаза. На тарелке, очень живописно лежали бутерброды с красной икрой, красной рыбой и крабовым мясом.

– Ну как, ты доволен?

Я молча кивнул.

– Давай я тебя сама покормлю, с ручек, как маленького.

Снова кивнул. Эх, Валя, Валя! Не буду тебя расстраивать. Здесь, на Курилах, кроме икры, рыбы и крабов другой еды просто нет! И я всем этим уже сыт по горло. Но глядя на счастливую Валу, у меня язык не повернулся ей отказать. Она подносила мне бутерброд и приговаривала как маленькому: это за папу, это за маму...

Я был счастлив, дело же не в красной рыбе, тут главное – внимание, а теперь я им окружён со всех сторон.

1.6 Будни

Начались наши семейные будни. Но тут меня ждали сплошные разочарования. Валя оказалась никудышной хозяйкой. Просто никакой! Если бутерброды она ещё кое-как научилась делать, то сварить суп или пожарить картошки совсем не умела. И как быстро выяснилось, ещё и не хотела! Прибираться в комнате она тоже принципиально не желала. Она даже постель за собой не заправляла! «Я тебе не домработница!» – вот ответ на все мои просьбы и замечания.

Да... Я семейную жизнь себе по-другому представлял. Я вырос в большой семье: женщины шуршали на кухне и по хозяйству, а если нужно, то мы, мужики, подключались. Все происходило само собой, никто никого не гонял, не заставлял. Один только дед почти ничего не делал, но ему по сроку службы не положено что-то делать. Он только бурчал на нас недовольно:

– Мы вас спиногрызов (оглоедов, лоботрясов и захребетников) не для этого с бабкой рожали, чтобы самим что-то делать.

Бывало, сядет на кухне и развлекает нас рассказом, как они с бабушкой в Гражданскую войну собирали картофельные очистки и делали из них вкуснейшие драники – «тошнотики» назывались!

Я по дому и на кухне умел делать все. Мама с бабушкой

специально учили. А папа вообще отлично готовил! Правда редко. Но когда готовил, всегда приговаривал:

– Запомни, сынок, лучшие повара – это мужчины!

Особенность большинства удалённых военных гарнизонов в том, что женщинам там нет никакой работы. Совсем! Считается большим везением, если женщина устроилась работать учителем, библиотекарем или медсестрой. Но при таком большом количестве желающих это совершенно нереально! Мужья ходят на службу, а жены сидят дома и изнывают от полного безделья. Сколько семейных трагедий из-за этого случилось. Не перечить.

Моя Валя ни вышивать, не вязать не умела. Готовить и убирать не хотела. Выйти здесь некуда. Осталось только два достойных женских дела: сплетничать на кухне и «заниматься собой». Но сплетничать у неё не получилось – она очень быстро переругалась со всеми женщинами и стала целыми днями сидеть в комнате одна. Просто тупо сидела перед зеркалом и рисовала себе брови, губы и прочий макияж, потом все художества смывала и рисовала снова. Или спала. Всё! Я приходил со службы, и начиналась у меня «вторая смена»: воды натаскать, угля или дров принести, еду на завтра приготовить, в комнате прибрать, постирать, погладить. Валька ничего по дому не делала. Ни-че-го! Я, может быть, ещё потерпел её безделье, но Валька придумала себе новое развлечение: стала надо мной издеваться и обзывать неудач-

ником! Теперь скандалы она стала устраивать по несколько раз в день!

– Я тебе не домработница – я создана для любви! – кричала она, – если хочешь, то убирай и готовь сам! А от меня отстань!

Так ты создана для любви, говоришь? Сейчас это быстро проверим! Но в постели было ещё хуже: у неё то голова болит, то устала, то спать хочет. Где ты, черт побери, могла устать? Что ты весь день делала? Рожу себе малевала? С соседями ругалась? А когда она вдруг разрешала притронуться к её телу, то лежала как бревно. Никакой любви, никакой страсти, ни каких эмоций! Для любви она создана! Фригидная кукла! К чёрту её!

Многие женщины допускают стратегическую ошибку, когда начинают шантажировать мужчин сексом. «Ты от меня ничего не получишь, пока ты не купишь мне вот эту симпатичную шубку, колечко или цепочку!». Это самое худшее, что может придумать женщина. Поверьте, не такие уж вы незаменимые. Услышав отказ, мужики ещё немного потерпят, и начнут искать себе другую женщину, которая не будет обставлять отношения всякими условиями. И, поверьте, довольно быстро такую найдут! И не будет у тебя ни шубки, ни секса, не, в конце концов, мужчины!

Если женщина хочет чего-нибудь добиться от мужчины,

то она должна всегда показывать ему свою готовность к близости. Всегда и везде. В любой момент и в любом месте. При этом она должна быть рада, страстна и пищать от безумной любви и желания. Скорей всего, такая всеобщая готовность вообще ни разу не пригодится, все будет более-менее традиционно и в рамках приличия. Но сознание такой теоретической возможности, будет здорово греть мужское эго! Реально – как печка!

Мужики же любят огромные машины с гигантскими движками от танка? Они, что возят в них роту солдат по глухой тайге? Нет! Они ездят в них по одному и строго по асфальту. Но потенциальная возможность с пьяной толпой друзей залезть в болото по самые уши у них же существует! А это серьёзный аргумент поднять свой статус в своих же глазах! Так и здесь! Главное почаще напоминать о своей готовности и его возможности! А если делать это регулярно, то со временем из любого мужика можно вить любые верёвки.

Когда мужчина «созрел», то доносить свои просьбы и желания до мужского сознания нужно тонко и изящно, но только не намёками! Мужики вообще никаких намёков не понимают. Тут надо «в лоб», но аккуратно. Примерно так: «Милый, я всегда так рада тебе! Мне всегда очень приятно быть с тобой. Потому что я тебя просто люблю! Я так счастлива, что могу быть твоей. Ты можешь подарить мне, или лучше – мне, твоей девочке, вот эту миленькую шубку?». Здесь желательно сделать акцент на «твоей» – все мужики собствен-

ники. И ещё, нельзя намекать мол «мне холодно стало» – тут есть большой риск вместо норковой шубки получить драповое пальтишко, в нем же тоже тепло! Во время просьбы крайне необходимо источать обворожительные улыбки, говорить томным, сексуальным голосом и всем видом показывать свою готовность и желание. После этого у мужиков отказывает мозг, но просыпается совесть, резко обостряется чувство справедливости и непреодолимое желание сделать свою девочку ещё лучше. К примеру, одев в шубку. Собственный статус мужчины после этого начнёт зашкаливать, а шубка греть тебе плечи. И всего-то делов.

Это, кстати, можно использовать как тест на глубину отношений. Если он, после всех твоих стараний, купит тебе шубку, то на самом деле любит и ценит. Если нет – то зачем такой мужик?

Но Валька считала это лишним. Да и её скандалы мне надоели! Так я скоро сам психом стану! И ещё это – «я тебе не домработница!». Это стало меня бесить. Сейчас я тебе дам «домработницу», чтобы ты до самых гланд прочувствовала! Я выбрал подходящий момент и так спокойно ей говорю:

– А что Валь, правда, давай ты с домработницей Галей местами поменяешься. Галя дивчина красивая, фигуристая, грудь у неё что надо, ноги длинные, стройные. По дому все делать умеет. Лишнего не болтает. А в постели, точно гово-

рю, любой фору даст! У неё прямо на лбу написана нерастроченная любовная страсть. Вот тут-то она и оторвётся за все годы, пока у вас в домработницах ходила. Детей мне нарождает, она над своей фигурой дрожать точно не станет. И будет у меня всегда горячий обед на столе, горячая женщина в постели и полный дом ребятишек! А? Давай!

Тут Валька как вспыхнет! Кулачки сжались, лицо побагровело. Но вдруг она резко успокоилась и снова стала холодной стервой.

– Ладно, если ты хочешь променять меня на неграмотную кухарку, пусть так и будет. Завтра я уезжаю. Совсем.

– Ой! Испугала, да скатертью дорога! Как раз завтра самолёт на материк. Собирай свои шмотки и вперёд! Попутного ветра тебе в спину!

Черт! Похоже я поддался на Валькину провокацию! Она именно этого и хотела, только не знала, как сделать. Теперь получается, что не она сама от меня сбежала, а я её выгнал! И не просто выгнал, а променял на другую! Вот она приедет домой и начнёт там рыдать, какая она хорошая жена, и какой я плохой муж! Да... я сам вляпался в Валькины интриги. Ну и черт с ней! Пусть катится на все четыре стороны!

Наступила ночь. Кровать у нас одна, уходить из своей комнаты я не собирался, а Вальке идти не к кому, так что спать придётся вместе. Перед сном Валька повела себя очень странно. Я ожидал чего-нибудь истеричного, вроде: «я с тобой не лягу! Иди спать на полу!». Но Валька поступила со-

всем не так! Она полностью разделась и стала собирать свои вещи! В процессе сборов она принимала разные, очень соблазнительные и откровенные позы! Я уже давно не видел её голой и тарачился во все глаза, надо сказать, там есть на что посмотреть. Правда вида я не подавал и изображал из себя само равнодушие. Валька не выдержала:

– Ну как я тебе? Смотри, смотри, вот Галя приедет, вспомнишь ещё меня!

Я старался избегать прямых сравнений, с Валею мне все-таки ещё жить. А Галя ни фигурой, ни лицом от Вальки не сильно отличалась, родственницы всё же, и, думаю, что, если ей дать волю, она быстро станет такой же стервой.

– Вспомню! И не раз! Не сомневайся! Только вот какими словами?

Вместо ответа Валька легла на кровать, залезла под одеяло и впиалась мне в губы поцелуем! Руками она гладила моё тело и, со стонами, изображала неземную страсть. Я не стал сопротивляться Валькиным желаниям, почему бы напоследок ей не воспользоваться? Поразвлекался я с ней по полной, потом быстро отстрелялся и сразу заснул. Ясно, почему она такая страстная – обиделась, что я сравнил её с домработницей Галей. Хочет доказать, что она лучше. Раньше, Валя, нужно было об этом думать, раньше!

1.7 Без неё

Рано утром я пошёл на полёты, а когда вернулся ни Вальки, не её вещей уже не было. Я посмотрел на полупустую комнату и чувствую – надо выпить. Я, вообще, к алкоголю равнодушен, но сейчас захотелось выпить. Даже не просто выпить, а нажраться! Я достал заныканную уже как полгода назад бутылку «Московской» и пошёл к своему другу Серёге. Он закончил моё училище на два года раньше и уже был опытным лётчиком, а я летал с ним в паре ведомым. Серёга жил от меня через три комнаты и должен прекрасно разбираться в моих отношениях с Валькой. Да в них все разбились! Валька кричала так, что даже медведи в тайге были в курсе наших дел!

Подойдя к Серёгиной двери, я тихонечко постучал. За дверью сразу слышались причитания его жены – Веры.

– Ой, бегу, бегу! Ой, сейчас, одну секундочку! Уже открываю!

В этом вся Вера. Она была полной противоположностью Вальке – небольшого роста и пухленькая, с симпатичным, смешливым лицом, и очень хозяйственная, и запасливая.

– Ой, Коленька, как же я рада тебя видеть! – она всему радовалась и всегда искренне, – ты как раз вовремя, присаживайся к Серёженке, я тебя горячими пельмешками угощу, прямо с пылу с жару! Я их только что сварила. Серёженка

подвинься, милёнок мой, дай Коленьке сесть.

Как не зайдёшь к Серёге, у Веры всегда что-то только что сварилось!

Серёга сидел за микроскопическим, размером с носовой платок, столом, и с аппетитом ел пельмени. Я сел рядом и молча поставил бутылку на стол. Серёга, не переставая жевать, одобрительно закивал. Тут же подскочила Вера:

– Ой, мальчики, вы что, выпить хотите? – засуетилась она, – Я вам сейчас рюмочки принесу и закусочку сделаю! – и с небольшим укором мне, – что ж, ты Коленька, меня не предупредил? Я бы вам что-нибудь необычное приготовила! А так одно сало осталось, икру я вам предлагать не буду, вы её, поди, уже объелись.

У Веры всегда было сало. Такое, самое настоящее, хохляцкое сало, в меру просоленное, с тонкими прожилками мяса, обсыпанное перцем и нашпигованное чесноком. Отрежешь тонкий ломтик, и он тает во рту. Объеденье! Вера была родом из Чугуева и замужем за Серёгой ещё с училища. Украинские родственники постоянно присылали ей то сало, то домашнюю тушёнку в трёхлитровых банках, и она с удовольствием всех угощала. Вера, на мой взгляд, была идеальной женой. Я никогда не слышал, чтобы они с Серёгой ругались, они даже голос друг на друга не повышали. Вера была всегда рада и счастлива, на Серёгу смотрела сияющими влюблёнными глазами, и окружала его лаской и заботой. Вера искренне считала, что самое главное событие в её жизни –

это свадьба с Серёгой. И Серёга отвечал ей полной взаимностью.

Ещё у Веры было самое главное женское качество: она любила детей. Она просто обожала их! Все полковые и батальонные дети ходили за ней хвостиком, куда Вера – туда и дети. Каждому ребёнку она находила такие добрые слова, после которых даже самая зарёванная девочка весело смеялась, а малолетний озорник становился примерным мальчиком. У неё с Серёгой уже был один ребёнок, второго она ждала, а в планах был третий. Забегая вперёд скажу, эти планы остались далеко позади, Вера родила счастливому Серёге пятерых детей! И всех девочек!

Через пару минут Вера принесла мне огромную миску (не тарелку!) с пельменями и тарелочки с закуской. Положила в пельмени огромную ложку сметаны, присела рядом и с улыбкой уставилась на меня. Серёга разлил водку по сто-парикам:

– Ну, что, за свободу?

Я невольно засмеялся:

– От бабского рабства?

Серёга бросил быстрый взгляд на Веру:

– Не-не. За свободу угнетённых народов! – нашёлся он.

Мы молча и с аппетитом ели, а Вера все спрашивала у нас:

– Все хорошо, мальчики? Может, что ещё принести? Вам вкусно? – потом затронула главную тему.

Отъезд Вальки был самым обсуждаемым событием в гар-

низоне, да, пожалуй, и на всем острове! Валька – женщина видная, мимо такой не пройдёшь не оглянувшись, её знали все. Она была из другого мира. Вся из себя модная, стильная и утончённая. Женщины сначала стали тянуться к Вальке, но быстро в ней разочаровались. Стерва – она и есть стерва, во что её не одевай! По Вериным словам проводить Вальку в «последний путь» вышло все женское население гарнизона. Потом они ещё не раз перезванивали на аэродром, чтобы окончательно убедиться, что Валька на самом деле улетила. Что женщины говорили ей на прощание, Вера повторять не стала, но судя по тому, как она густо покраснела – ничего хорошего. Потом она почему-то стала жалеть Вальку. Все охала, как же ей бедняжке трудно здесь было. Потом стала жалеть меня, как мне плохо будет одному, Валька какая-никакая, но все-таки жена! Ну Вера всех жалеет. Даже Вальку. Я слушал Верины охи да ахи, и только сейчас прочувствовал: а без Вальки-то хорошо! И от этой мысли мне так приятно и спокойно на душе стало...

1.7.1 Маша

Но моя холостяцкая жизнь продолжалась недолго. Дней через десять, после Валькиного отъезда, лежу в комнате, сплю перед ночными полётами. Вдруг стук в дверь, обычно, когда мужики отдыхают перед полётами или после них, то в бараке полнейшая тишина, и если кого и будят, то только по самому срочному и неотложному делу. Кого это принесло? Кричу:

– Открыто!

С видом заговорщицы заходит соседка Маша-парикмахерша. Огляделась по сторонам и сразу закрыла дверь на ключ. Интересное начало! Она уже давно строит мне глазки, а как только Валька уехала, то вообще прохода не даёт. Что же она задумала?

– Отдыхаешь? – задала она очевидный вопрос, – наверно непривычно одному в постели?

Я не выспался и не был расположен к любезностям:

– Маш, вот только ты ещё не начинай. Вы так соболезнете, как будто я Вальку уже похоронил. Хорошо мне одному. И ей там, в Москве, тоже хорошо! Не сомневайся.

– А мне кажется, что тебе не хватает женщины, которая тебя любит, – ласково сказала Маша.

– Может и не хватает. Ты-то чего хочешь?

– А вот чего!

Она хитро улыбнулась, села на постель рядом со мной, быстренько расстегнула на себе халатик, выгнулась вперёд и выставила наружу свои белые груди.

– Как, нравится? – она слегка потрясла грудью.

– Ну, наверно – неуверенно сказал я.

– Я знала, что тебе понравится! Тогда на всю меня посмотри!

Машка встала с кровати и скинула с себя халат, оставшись полностью голой. Потом она стала крутиться, дав разглядеть себя во всех подробностях:

– Скажи, что я лучше, чем твоя Валька.

– Угу, лучше, – пробурчал я.

Нет, у Машки действительно фигура хорошая, но у Вальки лучше. У Вальки, помимо отличной фигуры, ещё был шарм и огромное обаяние. Когда грациозная Валька танцевала вокруг меня, у меня сбивался сердечный ритм, и я забывал обо всем на свете! Валька была настоящей женщиной-вамп, и, если хотела, могла увлечь собой сразу и навсегда. Правда она – стерва, каких ещё поискать надо. А Машка была обычной простушкой, крутилась передо мной как деревянная кукла, и не вызывала никаких чувств, кроме животных инстинктов. И то, не сильно. Я так не люблю. Мне нужна страсть, чтобы сердце бешено колотилось, чтобы эмоции захлёстывали, а тут просто симпатичная голая женщина. Женщина должна радовать мужчину не только лицом и фигурой. Она должна возбуждать не только тело, но и душу. Глядя

на неё, мужчина должен хотеть петь, беспричинно смеяться и сочинять стихи!

А главная причина – я не собирался изменять Вальке и тем более иметь интимные дела с женой своего однополчанина! И Машка сильно рисковала, придя ко мне. Если бы об этом узнал женсовет, то он бы её со света сжил. Полковой женсовет, под предводительством жены замполита полка, здоровой тётки со зверским выражением лица, бдительно и ревностно следил за нравственностью жён, и никакого распутства не допускал. Как женсовет разбирался с жёнами я не знаю, но все боялись его как огня. Ну и мне после этого тоже не поздоровится. А у Вальки появится против меня козырной туз! От такого уже в жизнь не отобьёшься.

Тут почему-то вспомнилась Катька из училища. Гордая казачка тоже раздевалась для меня. И не раз. И с той же целью. Но Катька – писаная красавица и фигура у неё как у греческой богини! Тогда, глядя на неё, у меня чуть сердце из груди не выскочило, а тестостерон ударил во все органы одновременно! И то пришлось ей отказать. Валька же дороже! Катька после этого устраивала грандиозный скандал, проклинала Вальку, била меня подушками, кидалась своим трусиками и порывалась глаза мне повыцарапывать! Она отчаянно бросалась на меня как разъярённая кошка, вся спина и грудь в красных полосах от её ногтей! Вот это – настоящая страсть! После этого она неделю со мной не разговаривала. Для Катьки это был подвиг. Целую неделю молчать! Ничего

себе.

Машка ещё покрутилась и со смехом плюхнулась ко мне в кровать. Быстро забралась под одеяло и уже потянулась целовать, но тут я не выдержал, схватил её за руку, строго посмотрел в глаза и угрожающе сказал:

– Маша! Прекрати! Немедленно вылезай и одевайся.

Мои угрозы не произвели на Машку никакого впечатления. Она не стала изображать слёзную обиду, а хитро прищурилась и игриво:

– Ладно, не злись. Не сейчас, так потом, но я буду с тобой. У нас ещё все впереди, мой любимый, – она наклонилась и поцеловала меня в губы. – Я люблю тебя, и если твоя Валька тебе надоест, то ты меня только позови, и я буду твоей. Навсегда! Только позови.

У меня не было настроения с ней спорить и что-то объяснять:

– Ладно, потом – значит потом, а сейчас-то чего приходила? У тебя, похоже, другое дело было?

– Ах да, я чуть не забыла, говорят, она с корабля уже сошла.

– Кто это «она»? – не понял я.

– Как кто! Твоя ненаглядная! Валя! Из-за которой мы тут чуть все не передрались. В Нижне-Курильске видели, как она в автобус на пристани садилась. Часа через два встречай!

Что за напасть сегодня? То голая Машка в любви объясняется, то Валька вернулась! Вот принесла её нелёгкая!

Что Вальке дома не сиделось? Потом подумал: она за полторы недели могла только туда-обратно смотаться, дома может всего день-другой и побыла! Что здесь не так. Ладно, все равно встречать её не буду, скоро уже на полёты идти нужно. Первым делом, первым делом самолёты... Ну, а Валька потом. Совсем потом.

Слух о Валькином возвращении разнёсся по городку со скоростью урагана. На аэродроме мне все сочувственно жали руку, а на предполётных указаниях командир полка прямо спросил готов ли я сегодня летать. Чёрт! Это сочувствие мне уже надоело! Конечно готов! Я всегда к полётам готов! Как пионер! Но как бы я не храбрился, все мысли в голове крутились вокруг Вальки. Встреча с ней почему-то стала меня страшить. Я кое-как отлетал, не стал ждать машину обратно, а пошёл домой пешком. Шёл я медленно, никуда не торопился, поэтому пришёл позже всех.

Захожу в барак, прохожу в нашу комнату. Что сразу бросилось в глаза, Валины вещи не разбросаны, как обычно, а аккуратно сложены на полках. Но её самой нет. Не нравится мне все это. Пойду её поищу. Вышел в коридор и тут же столкнулся с Машкой. Она меня уже ждала и, похоже, уже записала себя ко мне женой номер два! Машка сделала недовольное лицо, показала вглубь барака и даже развела руками, как бы говоря: вот, блин, явилась! Я прислушался, в дальнем конце барака, на общей кухне, Вера, что-то громко шептала. Пойду, гляну. Подхожу поближе, тут и высокий Валькин го-

лос прорезаться стал. Тихонько подхожу, смотрю, Вера стоит у плиты, объясняет и показывает Вальке как готовить, а Валька её внимательно слушает! Во дела-то! Что-то на неё не похоже, обычно Валька никого не слушает, она же сама всё на свете знает и умеет делать лучше всех! А тут внимательно слушает Веру, которую она раньше в грош не ставила! Конечно хорошо, что Валька хоть чему-то пытается научиться, но все это очень странно.

Я слегка кашлянул, чтобы привлечь к себе внимание. Женщины сразу, как по команде обернулись, у обеих были испуганные глаза, как будто они делали что-то противозаконное. У Вали был вид побитой кошки, но она быстро справилась с эмоциями, мило и немного смущённо улыбнулась, подошла поближе и обняла меня за шею.

– Коленька, – виновато зашептала она на ухо, – я буду хорошей девочкой, не выгоняй меня больше. Я буду очень стараться. Я буду делать все, что тебе нужно. Прости меня, пожалуйста. Я тебя очень люблю! Разреши мне остаться. Прощу тебя.

Я впервые серьёзно задумался над этим. А нужна ли мне Валька? За последний год она выпила из меня литры крови, испортила километры нервов и проклевала дыру на макушке. Снова впрягаться в это ярмо? Валя почувствовала мои колебания:

– Милый, не бросай меня. Я буду тебе самой лучшей женой, – она оглянулась, – вот как Вера. Научусь готовить и ро-

жу нам детей. Только не выгоняй меня.

Валька ещё сильнее прижалась ко мне и стала целовать в шею. Вот как ей теперь отказать? Как? Валька нажала на самые важные для меня места – дом и дети. Я сделал серьёзный вид:

– Ладно. Оставайся. Но только до первого замечания!

У Вальки как гора с плеч свалилась! Она на самом деле очень обрадовалась, счастливо завизжала, повисла на мне и стала покрывать лицо следами от помады. Что с ней случилось? Совсем недавно она уезжала холодной, обиженной на весь мир стервой, а приехала ласковой и милой жёнушкой. Что-то здесь не чисто. По Вальке было видно, что она по-настоящему боялась, что я не приму её обратно. С чего бы это вдруг она вспылала любовью ко мне? Нужно сходиться в разведку. Скоро отпуск, поговорю с тестем, чую, без его участия тут не обошлось.

Полночи Валька меня развлекала, очень старалась, показала высший постельный класс и клялась в вечной любви. Я же решил больше про любовь ей ничего не говорить. Нет уже её. Это в школьной молодости была, а теперь нет.

От чего Валька вернулась такой перепуганной и ласковой довольно быстро выяснилось. В отпуске сидим с тестем на даче, пьём пиво и жарим шашлык. Он накатил сто грамм и спросил:

– Ну как Валька, хорошая жена?

– Да, все в порядке, – уклончиво отвечаю.

– Нет, ты не понял, сейчас лучше, чем раньше?

А вот он про что!

– Да, её словно подменили. Ласковая приехала, заботливая. По дому шуршать стала.

– Мне спасибо скажи. Слухай. Сижу дома, ужинаю, только шматок сала с горчицей собрался в рот положить, вдруг, явление Христа народу, явилась – не запылилась! Глядь, Валька на пороге стоит! У меня чуть комок поперёк горла не встал! А эта вся в слезах, рыдает. Но меня на бабьи слёзы не купишь. Что, – говорю, – вернулась? А муж твой где? Она уже собралась закатить истерику, но я это дело сразу пресёк. Цыц! – говорю со всей строгостью, – отвечай, только то, что я спрашиваю! Почему одна приехала, и где твой муж? Валька начала мямлить, что она такая хорошая, а ты – плохой. Но я-то знаю этих баб! Они всегда хорошие! Если их послушать, то все беды от мужиков! Не стал я её нытьё слушать, собрал в охапку, отвёз на аэродром и отправил первым бортом в вашу сторону. Даже присесть с дороги ей не дал! Ишь-ты, чего учудила! От мужа решила сбежать! Я ей сказал, ещё раз такое повториться или ты, вдруг, ей недоволен будешь, то хана Вальке! Я ей самолично башку откручу и закину куда подальше! Ноги её больше в Москве никогда не будет! Все! Пожизненная ссылка! Так, что если чем недоволен будешь, ну готовит плохо, по дому не работает или в постели из себя невесть кого корчит, ты сразу ко мне, я ей мозги быстро

вправлю!

О как! Тесть своими солдафонскими методами наставил Вальку на путь истинный. То-то она как уж на сковородке вертелась вокруг меня!

– Да нет, спасибо. Я сам с ней справлюсь.

Тесть строго посмотрел на меня:

– Ну да, ты прав. Надо самому семейные дела решать. А если не справишься – гони её к чёртовой матери, я тебе ни слова не скажу.

Тут Валька, видимо почувствовала, что разговор о ней, тихо, как кошка, подошла поближе и стала подслушивать. Но тесть не зря старый истребитель – голова у него вкруговую вертится, Вальку засёк сразу:

– Вовремя пришла, а ну-ка сгоняй, пива нам холодненького принеси. Бегом! И на стол давай накрывай. А то ходишь тут кругами, уши развесила. О тебе разговор, о ком же ещё!

Валька перепугано округлила глаза и полугалопом поскакала в дом.

1.8 Попытка номер два

Начался второй дубль построения нашей семейной жизни. Сначала Валька очень старалась, проявляла инициативу и даже спрашивала, что мне приготовить! Но дальше яичницы и каши-размазни дело у неё не пошло. По дому в то же духе. Полы помыла – только грязь размазала, на полках и по углам пыль как лежала, так и лежит. Одежду ни постирать, ни погладить не может. Еда или пересоленная, или подгоревшая. Как Вера её ни учила, хозяйка из Вальки не получилась.

Постепенно все вернулось на круги своя. Единственное значимое изменение: Валька помирилась с соседками и целыми днями трепала с ними на кухне языком, перемывая всем знакомым и незнакомым косточки. А я снова занимался хозяйством. Правда Валька теперь голос не повышала, постоянно говорила мне о своей любви, целовала и обнимала. К супружеским обязанностям стала относиться прилежно и очень старалась. Усталость у неё как рукой сняло, и голова теперь никогда не болела! В постели она была всегда свежа, восхитительна и ненасытна. Ну, хоть что-то полезное. Сначала это меня устраивало, и я решил, что пора нам завести детей. Думаю, появятся дети – Валька сама, волей-неволей, будет домом заниматься.

Не тут-то было! Валька проявила иезуитскую изворотли-

вость, отказываясь от детей. То давай больше комнату получим. Да как мы её тут получим? Тут все комнаты одинаковые, других просто нет! То она морально не готова. Это ты в двадцать три года не готова? А когда ж ты будешь готова? В тридцать три? Или в сорок три? Потом Валька решила, что здесь климат плохой! Ну да, плохой. Согласен. Но тут полно других детей, все здоровы, и климат им прекрасно подходит. Их в любую погоду в дом не загонишь! Хоть цунами, хоть землетрясение, хоть извержение вулкана! Затем она стала говорить, что роды безнадёжно испортят её безупречную фигуру, и я её разлюблю! Валя ты что, первая на свете рожает? Все в порядке у тебя с фигурой будет! А если родишь ребятшек, тогда я уж точно тебя любить буду. В конце концов, она решила, что ей одной не справиться. Правильно! Одна ты такое важное дело наверняка завалишь. Давай привезём сюда домработницу Галю, вот она за тебя и детей мне нарожает, и воспитает как надо! А?

Как я вспомнил про Галю, Валька сразу осеклась и испугалась. Что, ещё свежи воспоминания? Валька здорово перепугалась и пообещала в ближайшую ночь попробовать.

Попробовали. Через две недели выяснилось, что Валька не беременна. Мы усиленно старались, но у нас снова ничего не получалось. Ни через месяц, не через два. Я начал беспокоиться. Сначала я думал на Вальку – может, изнеженная московская фифа неспособна к деторождению? Но Валька выглядела как здоровая скаковая кобылка и должна рожать

детей в конвейерном порядке. А вдруг это во мне проблема, и я зря грешу на Вальку? Может сам, где облучился? На самолёте полно всяких источников излучения. Не, это маловероятно. Вон Вера круглогодично беременна, значит у Серёги с этим делом все в порядке. Я решил поделиться этими мыслями с Валькой. Но она как-то совершенно легкомысленно отнеслась к нашей проблеме и не поделила мои переживания. У меня стали закрадываться серьёзные сомнения. Чувствую тут дело не во мне, а в женских противозачаточных средствах. Я отгонял эту мысль, это была бы очень большая подлость со стороны Вальки.

1.8.1 Не жена

С ростом числа наших бесплодных попыток, моя озабоченность переросла в тревогу. Сходил на консультацию к Вере с Серёгой. Вера, страшно стесняясь и краснея, во всех подробностях рассказала, как они с Серёгой делают детей. Потом все это как «Наставление по производству (полётов) т.е. детей» записала для Вальки на отдельном листочке. Прочитав «Наставление» Валька посмеялась, как выпускница журфака назвала Верин стиль деревенским, но пообещала выполнять все точно, как Вера написала. Я Вальку не проверял, но по её словам она готовилась строго по Вериним рекомендациям. А я занялся вычислением всяких женских циклов. Не помогло.

Так прошло ещё почти четыре месяца. Мысль о невозможности иметь детей не выходила у меня из головы. А Валька, похоже, совсем не думала об этом! Что-то здесь не чисто! Решил поговорить об этом с Валькой серьёзно. Она выслушала меня и в своих лучших стервозных традициях как выдаст:

– Да надоело мне это все! Сколько можно об этом ныть? Это ты во всем виноват, чёртов неудачник! Ничего нормально сделать не можешь, даже детей! Сам торчишь в этой дыре и меня рядом с собой держишь!

Вот это уже перебор! Давно она в таком духе не говорила!

Этого я не потерплю! Я встал и со всего маха отвесил ей пощёчину! Я первый раз в жизни ударил женщину, но эта женщина меня доконала! Я был в бешенстве, загнал Вальку в угол и, глядя в её полные ужаса глаза, прошипел:

– Признавайся, почему ты не можешь забеременеть?

Валька легонько толкнула меня кулачками в грудь и подавленным голосом:

– Отпусти меня сейчас же.

– Нет! Или ты признаешься сейчас, или мы едем к моему знакомому гинекологу!

Я чисто блефовал, никакого гинеколога я не знал, но и Валька об этом тоже не знала! У неё сразу округлились в ужасе глаза, затряслись губы и руки! Она побледнела как полотно, опустила голову и закрыла лицо руками. Потом подавила волнение и стала снова нападать:

– Да! – закричала она с вызовом, – я поставила спираль! А чего ты хотел? Чтобы я здесь плодила нищету? Я и так из-за тебя всю свою молодость здесь загубила! Какие дети? О чём ты бредишь!

Я схватил её за руку и сильно сдавил, Вальке стало больно, и она поморщилась. У меня было жуткое желание врезать ей ещё разок, но я посмотрел на её пылающую щеку и воздержался. Черт с ней!

– Все! Ты мне больше не жена! Можешь прямо сейчас собирать свои манатки и проваливать на все четыре стороны!

Тут Вальку охватил настоящий ужас. Её стала колотить

мелкая дрожь:

– Ты не можешь меня выгнать, – прошептала она заикаясь.

– Это почему же?

У Вали стали накатываться слезы, и она растерянно прошептала:

– Я же твоя жена.

– Да! – заорал я, – была, ещё полчаса назад! А теперь ты мне – чужая! Выметайся из моего дома ко всем чертям!

Вдруг Валька закатила глаза, побледнела и стала медленно оседать на пол. Я испугался, подхватил её на руки и аккуратно положил на кровать. Похоже, я перегнул палку! С перепуга она в обморок упала. Не знал, что она на такое способна. Я был зол и на Вальку, и на себя! Как теперь нам жить? Что выгнать её? Да папаша Вальку съест с потрохами, если узнает правду! Он уже давно мне про внуков говорит. Все не дождётся! А теперь, если Валькин обман вскроется, то не сносить ей головы! Мне стало её жаль. Ладно, я устал, и от злости уже не могу нормально соображать. Утром решу. Я лёг рядом с Валькой и сразу заснул.

1.8.2 А на утро...

Утром я проснулся от лёгкого поцелуя. Открываю глаза. Рядом сидит Валя и нежно гладит меня по голове, как мама в детстве. Валя вся сияла и светилась. На ней было красивое голубое платье в мелкий белый горошек, на голове сложная причёска с массой всяких рюшечек и завитков, и лёгкий макияж на лице. Я засмотрелся на неё – она выглядела потрясающе! Валя оценила мою реакцию и снова поцеловала:

– Просыпайся мой любимый, я уже приготовила для тебя завтрак.

Я взял её за подбородок и повернул к себе, на щеке под толстым слоем пудры просматривалась обширное покраснение от моей пощёчины:

– Как щека?

Валя сделала непонимающий вид.

– Какая щека? А это? Ты заметил? Знаешь, ночью вставала и в темноте обо что-то ударилась, – наигранно засмеялась она, – ничего страшного. Чуть больше пудры – и все будет хорошо! Не переживай, – улыбнулась она, – тебе подать завтрак в постель?

Вот женщины! Вертят мужиками как хотят! Ещё вчера я строил против Вальки страшные и кровожадные планы, выгонял её из дома, а сейчас думаю, как побыстрее залезть ей под юбку! Черт побери! Ладно, не буду показывать вида, я же

вроде как страшно злой. Так просто прощать её нельзя, поиздеваюсь над ней чуток:

– Ты что, решила меня прямо с утра отравить?

Валя улыбнулась:

– Нет. Если ты так долго ел мою стряпню и ещё не отравился, то, я думаю, твой желудок теперь и гвозди переварит.

– Ну, тогда неси, попробую, – сказал я строго, – и противоядие сразу прихвати! Или оно уже не поможет?

Валя пропустила мимо ушей мои колкости и улыбнулась, видимо все идёт так, как она задумала:

– Давай-ка я подушечку поправлю, чтобы тебе было удобней кушать.

Ох, слабаки мы мужики против женских чар. Достаточно красивой женщине улыбнуться – мы сразу превращаемся в безвольные тряпки. У нас мутнеет в голове, повышается слюноотделение, и мы готовы идти по их команде хоть в огонь, хоть в воду!

Валя взбила мне подушки, ещё два раза поцеловала, сказала: «не скучай», и лёгкой походкой, излишне покачивая бёдрами, отправилась на кухню.

Когда она все успела сделать? И причёску, и себя в порядок привести, и платье погладить, и завтрак приготовить? Она же вчера в обморок упала? Похоже, у неё есть настоящие подруги, которые даже по ночам готовы ей помогать. Интересно кто? Валя вернулась с большим подносом, она лучилась обворожительной улыбкой и напевала в неполголоса

весёлую песенку. У этой девушки все идёт отлично! Знакомый поднос, где-то я его уже видел. Точно – у Веры. Значит, это Вера всю ночь не давала разрушиться нашей семье. Валя присела ко мне и проворковала:

– Давай я тебя с ручек покормлю, давно я этого не делала. Тебе когда-то это очень нравилось.

– Давай, – вздохнул я, теперь Валя точно никуда от меня не денется. Или я от неё!

Потом я выведал у Веры, что произошло той ночью. Хотя мы и старались негромко ругаться, но с фанерными стенами это бесполезно – нас слышал весь барак. После того как в нашей комнате наступила тишина, Вера выждала ещё полчаса и пошла на разведку. Взяла у Серёги запасной ключ и вместе с ним вошла. Валька к тому времени уже пришла в себя и молча плакала в подушку, а я спал. Вера отправила Серёгу назад, а сама стала тихо успокаивать Вальку, но тут пришла Маша!

– Какая Маша? – спросил я.

– Ну, эта, из 17 комнаты.

Ничего себе! Она же Валькина главная конкурентка!

Маша не стала Вальку уговаривать. Подняла её с кровати и потащила в душ, раздела догола, затолкала в кабинку и включила ледяную воду. Валька сразу взбодрилась и перестала рыдать. Потом они вместе немного поплакали, жалели Вальку и себя, и разработали коварный план её возвращения

в лоно семьи. Затем отправили Вальку спать, чтобы утром она была свежа и весела. Через четыре часа её снова подняли, Маша погладила ей платье и сделала мудрёную причёску, а Вера применила все свои кулинарные таланты и приготовила мне завтрак. Я аккуратно спросил у Веры:

– А что, Маша с Вале́й общий язык нашли?

Вера сказала, что Маша сильно ругала Валу, а Валя очень извинялась и очень просила Машу что-то не делать. О чём она просила, Вера не знает, но по её глазам я понял – все она прекрасно знает. Интересно получилось: голая Валька оправдывается перед своей основной конкуренткой! Зачем Машка устроила ей разборки в душе? Хотела на Валькину фигуру посмотреть? Или хотела её унижить и показать своё превосходство? Очень странно, Валька – женщина не из пугливых, она боится только своего папу и немножко меня. Такая как Маша, её точно не запугает. Валька сама кого хочешь запугает. И уж тем более, извиняться перед Машей она не будет, даже если будет сто раз не права! Похоже, Вальке это выгодно самой! Интересно бы узнать, о чём они говорили.

После этого Валька уже никогда не ныла. Всегда была счастлива меня видеть и, похоже, снова влюбилась в меня. Научилась неплохо кашеварить и содержала комнату в образцовой, как она сама говорила «хирургической», чистоте. Стала ходить с другими женщинами в тайгу по грибы и ягоды. Участвовала в самодеятельности и даже выпускала рукописную газету! На счёт детей договорились так: Валя уже

неоднократно пыталась вынуть спираль. Но здесь, на Курилах, ни один врач не брался за это дело. Решили в отпуске, в Москве, все сделать.

Мы, мужики, всегда все узнаем последними. Все, что творится в женских головках нам неведомо. А там такие страсти бурлят, что и Шекспиру не снились! Не смотря на кажущуюся эмоциональность и порывистость в действиях, все женские решения точно просчитаны и выверены до миллиметра! Они могут дать фору любому гроссмейстеру в способности думать на пять ходов вперёд! Ни одна мелочь не ускользнёт от их внимания, все будет учтено и обращено в свою пользу. Мы, мужчины, максимум, что можем придумать, так это – «план Б»! Да и вообще все наши планы больше похожи на планы некоторых русских генералов. Один решил, что план ему совсем не нужен – «казачки и так врага шапками закидают»! Другой же план составил, но на вопрос фельдмаршала Кутузова не сомневаясь доложил: «ответные действия противника нашим планом не предусмотрены»! Во как! В обоих случаях нашу армию разбили на голову!

В женской головке будет десять тщательно проработанных планов с сотней ответвлений на все случаи жизни! Мы, мужики, наивно объясняем молниеносную смену настроения женским легкомыслием, на самом деле это переход с одного плана на другой! У нас, мужиков, все грубо и топорно. Если первый план не пошёл, мы тупо пытаемся добить его

с помощью кувалды и лома. А если и так не получается, то мы сразу впадаем в панику, и пытаемся так же криво сделать «план Б», только теперь бьём ломом по кувалде! Женщины всё делают не так! У них всё легко и изящно. Ажурные, кружевные сети ими будут расставлены по всему периметру. Только загонять тебя в угол будут не свистком и собаками, а лаской и поцелуями. А ты в счастливом неведении будешь этому только рад! Остановить женщину сможет только другая женщина! Ни один мужик на это не способен! Женщины могут плакать и жаловаться на судьбу, но при этом решительны и целеустремлены. Они готовы ждать и терпеть сколько нужно, но все равно сделают как задумали. Чем больше живу, тем больше убеждаюсь: пословица «послушай женщину и сделай все наоборот» неверна в корне. Послушай, и сделай как она сказала, все равно она с тебя не слезет, она всю жизнь будет тебе об этом напоминать!

Оказывается, Валя про Машу знала давно. Но молчала. Она даже знала, что Маша приходила ко мне! И тоже молчала, потому что знала, что я ей отказал. Но ни изошрённая Валька, не простушка Машка отступить не собирались. Каждая про себя решила, что лучше врага держать рядом, под присмотром. А хитрая Валька ещё прикинулась дурочкой и рассыпалась в извинениях, чтобы усыпить Машкину бдительность! Наверно Машка думает, что держит Вальку за горло. Ну-ну. Вальку голыми руками не возьмёшь, она ещё та змея, вывернется и ужалит в самый неподходящий

момент. Теперь они стали подружками – не разлей вода! Ходят под ручку, улыбаются. И следят друг за другом.

Я потом по Валькиному поведению понял, чем Маша её пугала. Валька вдруг сама стала говорить про детей! До этого она про них вспоминала только после меня и то с неохотой. А теперь вдруг сама! Причина нашей ссоры была известна всем – фанерные перегородки не очень способствуют сохранению тайны семейной жизни – вот Машка и прижала Вальку! Похоже Машка нашла бронебойные аргументы и Вальке пришлось сильно изменить своё поведение. Если раньше она за глаза и в открытую поливала грязью всех женщин и устраивала мне бурные сцены ревности. Хотя я повода ей никогда не давал. Теперь она поступала по принципу «или хорошо, или ничего» и о других женщинах молчала. А если у неё вдруг возникало малейшее подозрение, она сразу начинала ласкаться, целоваться и признаваться в любви! А так как у неё подозрения возникали гораздо чаще, чем надо, то она постоянно висела у меня на шее или сидела на коленях. Что скрывать – мне это нравилось. Валька теперь проводила все время или со мной, или с Машей. Они следили друг за другом, а я был под перекрёстным наблюдением. Ни шагу в сторону! Валька с Машкой относились к этому очень серьёзно, а для меня это было как игра, я смеялся и подкалывал их обоих!

1.9 Аварийное приводнение

Через два года подошло время повышать мою лётную квалификацию – пора сдавать на лётчика второго класса. Для этого, кроме зачётов, нужно сделать несколько контрольных полётов на самолёте-спарке. Спарка – это обычный истребитель, только за лётчиком оборудована вторая кабина для инструктора с полным набором всех приборов и органов управления. Но МиГ-15 самолёт маленький, поэтому сделать нормальную заднюю кабину не получилось – из неё почти ничего не видно, голова переднего лётчика загораживает весь обзор!

Лечу с комэской – полет в зону для проверки техники пилотирования. Полет не сложный, покрутить пилотаж минут двадцать и назад. Кручу бочки, горки и спирали, боевые развороты, пикирование-кабрирование, в общем, все как обычно, ничего нового. Смотрю, со стороны Японии на горизонте какая-то точка появилась. Показываю пальцем комэске. Он как увидел, сразу запросил землю: кто это, а мне: давай к нему. Я добавил газа, а сам думаю: на самолёте топлива на час полёта, а мы уже минут тридцать летаем, но самое главное – на борту ни одного снаряда! Мы же на пилотаж полетели, а не на боевое задание! Ну ладно. Комэске видней.

Летим. Точка быстро увеличивается в размерах. Ого! Да это здоровенный американский бомбёр, переделанный в раз-

ведчик! Вооружён он очень серьёзно – на борту аж тринадцать крупнокалиберных пулемётов и человек двадцать экипажа. Он даже близко к себе подлететь не даст, его старший брат – «Летающая крепость» – во время войны сбивал немецкие самолёты пачками. Спрашиваю у комэски, что будем делать. Он:

– Давай пока покажем ему, что мы здесь, может он с курса сбился?

– Ну да, сбился. Корея-то совсем в другой стороне!

– Они всегда говорят, что сбились. Давай шуруй к ним, попугаем.

Подлетаем ближе, смотрю, а америкосы серьёзно настроены, развернули в нашу сторону стволы, но летят тем же курсом! Обычно в таких случаях они прикидываются дурочками и сразу отваливают в международные воды, а сейчас прут прямо по нашей территории! Говорю комэске:

– Давайте сейчас ему в хвост зайдём, может он испугается.

– Давай, только держись подальше, под его пулемёты не подлезай.

Закладываю правый вираж с набором высоты и захожу сверху ему в хвост. Отличная позиция, самолёт как на ладони! Полого пикирую на него, стараюсь держаться ровно, вроде как прицеливаюсь. У нас скорость в полтора раза больше, чем у старого поршневого бомбёра, дистанция быстро сокращается. Чувствую, комэска на себя ручку тянет. Нет, ещё рано отворачивать, ближе нужно, сейчас у стрелков нервы

сдадут, и они первыми откроют огонь! А после этого мы всегда правы будем. Смотрю, а нервишки-то у экипажа на пределе – америкосы развернули на нас все свои стволы, даже те, которые должны смотреть только вперёд! Комэска молча тянет ручку на себя. Но я-то поздоровее буду, также молча придерживаю её, не даю уходить вверх. Так, конечно, делать нельзя – комэска тут старший и я обязан выполнять его приказы, но он пока молчит и не настаивает.

Ну, стреляйте же! Я уже вышел на дистанцию стрельбы! Мне самому стрелять пора! Если мы сейчас отвернём, то америкосы поймут, что у нас нет снарядов и мы не можем стрелять или вообще боимся. А если отвернём после начала их стрельбы, то это уже бой. Ну, давайте же!

Первым не выдержал верхний башенный стрелок, за ним сумасшедший огонь открыл кормовой, а потом застрочили все остальные. В воздухе мгновенно выросла железная стена из пуль! Эх, дураки вы! Рано стрелять начали, ваши пули до нас не долетают. Я добавил газу и резко взял вверх. Меня охватил азарт! Слышал от наших, воевавших в Корее: если энергично маневрировать, то все пули пролетят мимо. У америкосов на пулемётах стоят ещё древние винтовочные прицелы, они просто не успевают взять наш самолёт на «мушку»!

Ну, теперь держитесь, сейчас мы со всех ракурсов так заходить будем, пощекочем вам нервишки. Жаль только, что у нас снарядов нет, а то сделали бы из вас решето! Вам, фер-

мерам, в Техасе хвосты коровами крутить нужно, а не над Курилами летать! В самолёт стрелять – это не по бутылкам на ранчо! Хотя откуда у вас бутылки? Может одна бутылка тараканьей настойки, которую вы называете виски, на всю толпу, и то водой разбавлена! Куда вы прёте? Мало вас в Корее били?

Слышим, в эфире нас КП полка вызывает, дежурное звено уже вылетело нам на подмогу. Отлично, минут через десять будут. А нам нужно америкоса на это время задержать. Задержать-то можно, вот что потом самим делать? Топливо-то заканчивается!

Мы зашли ещё пару раз в атаку с левого и правого бортов. Американский бомбёр отстреливался с отчаяньем обречённого, но все равно, упорно летел в сторону Охотского моря. Видимо очень им нужно что-то у нас разведать. Делаем четвёртый заход, тут на приборной доске загорелась лампа «аварийный остаток топлива»! Ну, все, долетались. Комэска мне:

– Добро, попугали уже, выходи из боя и поворачивай на аэродром.

Хорошо, что комэска таранить америкоса не решил, у него уже был такой случай. Рассказывали, он в войну таким образом завалил одного немца. Но на реактивном самолёте таран – это верное самоубийство! Это раньше врага своим винтом по хвосту аккуратно рубанёшь, и у него все рули в щепки разлетаются. Да и что тогда за самолёты были? Фанера, обтянутая тряпкой! Ну, может, винт себе немного

погнёшь. А противник, лишившись рулей, сваливается в пикирование, из которого уже не выйти. Сейчас такой трюк не пройдёт. Придётся бить крылом, которое от удара наверняка отвалится.

Ладно, тарана мы избежали, дальше что? До своего аэродрома мы точно не долетим. Садится на воду? Или катапультироваться? Комэска развеял мои сомнения:

– Слушай, как двигатель встанет – катапультируемся. Я – первый, а ты сразу за мной.

(Самолёт так устроен – сначала катапультируется лётчик из задней кабины, где как раз и сидел комэска, а потом из передней)

Не, на это я не согласен. Я на планере летал, на свой страх и риск, там вообще никаких средств спасения нет, не было и никогда не будет. А тут живой самолёт в воздухе бросить, потом по госпиталям полгода валяться и не факт, что после этого летать будешь! Позвоночник можно очень серьёзно повредить: катапульта бьёт под зад с силой в десять тонн! Комэска пусть делает как хочет, а я приводняться буду., самолёт штука большая, сразу не утонет. Поворачиваюсь к комэске и кричу ему голосом:

– Я не буду! Попробую приводниться.

Я ожидал что-то вроде: вы, что приказ не поняли, выполняйте! Но комэска, вопреки моим ожиданиям сразу согласился:

– Я тоже не хочу. Боюсь я этой бешеной табуретки! Давай

на воду садиться, – и сразу на КП, – Альбатрос, я полсотни первый, закончилось топливо, буду приводняться.

– Полсотни первый, я Альбатрос, вас вижу, высылаю спасательный катер.

Это радует. Тут километров пятьдесят всего, часа через два с половиной – три подойдёт. Пока с землёй говорили, движок как-то странно чихнул и встал. И тишина. Я сразу вспомнил планер и полёты в Тушино. Правда самолёт без движка этот не летучий планер, но справиться можно. Сейчас нужно плавно снижаться, чтобы скорость не потерять, а перед самой водой аккуратненько потянуть самолёт на себя, он снизит скорость и тихонько плюхнет в воду. Пока он будет тонуть, мы успеем вылезти.

Отдаём ручку от себя и снижаемся. За высотой и скоростью следим, разгоняться нельзя. На воду в некотором роде садиться проще – не нужно выбирать площадку. Море – одна большая площадка. Лишь бы шторма не было. Это на земле то провода, то овраги, то заборы, то столбы! Сколько лётчиков погибло, пытаюсь выбрать удобную площадку или уходя от городов.

Вот она, вода. Тянем на себя, тут тоже главное – не перетянуть. Самолёт резко задерёт нос, свалится на крыло и упадёт в воду боком, или хуже – вниз кабиной. Вот тогда из него уже не выбраться. Тянем, вот они буруны, рядом уже, ещё чуть-чуть. Тут я вспомнил: прежде, чем самолёт утонет, нужно из-под кресла НАЗ (носимый аварийный запас) вынуть! А это

не так просто. Может времени не хватить.

Снижаемся ближе. Чувствую, по хвосту вода зажурчала. Отлично! Теперь главное самолёт ровно держать, чтобы он крылом об воду не чиркнул. Как говорят на флоте – держать на ровном киле, мы же теперь морская авиация! Если заденем крылом – самолёт резко развернёт, и он зароется в воду. Продолжаем вдвоём тянуть на себя, скорость резко падает, держим нос самолёта повыше. Вода уже по крылу побежала. Пора! Аварийно сбрасываем фонарь кабины, тут самолёт опускает нос и резко останавливается. Все! Прилетели. Комэска доложил на «землю», что приводнение прошло успешно и начал отстёгивать ремни.

Я тоже отстегнулся и аккуратно, чтобы не раскачать самолёт вылез наружу. Тянусь рукой под кресло, пытаюсь достать НАЗ. Черт, где он? Там же целый мешок! Перегнулся через борт, а вот он где! Далеко запихнули. Комэска в своей кабине матерится, тоже пытается достать свой НАЗ. Но он ростом не вышел, он животом вышел, не достанет. Чувствую, самолёт качнулся и стал быстро погружаться носом. Толкаю комэску и без всяких церемоний кричу:

- Прыгай в воду! Сейчас утонешь!
- Да НАЗ достать не могу!
- На чёрта он утопленнику нужен?

А сам ухватил свой НАЗ, с силой дёрнул на себя и отплыл от самолёта. Смотрю самолёт уже носом на половину в воде, а комэска ещё в кабине ковыряется! Он там что, застрял?

Хватаю комэску за воротник, упираюсь ногами в фюзеляж и выдёргиваю из самолёта! Только выдернул, как наша ласточка булькнула и полностью погрузилась под воду. Быстро утонула! За минуту! Я думал она более плавучая.

НАЗ – носимый аварийный запас. Чего в нем только не было: надувная лодка, порошок для окраски воды при приводнении, ракетница и зеркало для подачи сигналов, медицинская аптечка, специальные таблетки для обеззараживания воды, нож-пила, рыболовные снасти и разборная винтовка для охоты, трёхдневный запас еды и воды. А самое главное – радиостанция с сигнальным маяком, и непромокаемая карта с ориентирами. Ещё была плитка шоколада и пистолет ТТ. «Подкрепиться и застрелиться».

Я вскрыл НАЗ, достал лодку и надул её. Лодочка-то совсем маленькая, одноместная, вдвоём не поместиться! Кое-как залезли, сидим почти друг на друге, смотрю вода через борт переливаться начала. Надувная лодка, конечно, не утонет, но и сидеть в ней по пояс в воде, тоже не дело. Тут вспомнил один интересный случай и говорю комэске:

– Пётр Степанович, знаешь, в 44 году два наших морпеха в такую же ситуацию попали?

– Они, что тоже с самолёта в воду сиганули? – недовольно ответил он.

– Да не! Они во время диверсионной вылазки в Норвегии в бою оторвались от своих. Нашли на берегу какую-то лодку и быстро поплыли на ней от наступающих немцев. Когда

оказались далеко от берега только тут заметили, что в борту пробоина и вода заливается в лодку! А пробоина большая, рукой не закроешь. Один прыгнул в воду осмотреть её снаружи, и тут поняли, что пока в лодке один человек, пробоина оказывается выше ватерлинии и вода перестаёт заливать-ся! Вот так они и плыли, сменяя друг друга. Один в лодке гребёт, греется и воду вычерпывает, другой в воде. Трое суток они плыли, пока их не подобрал наш корабль. Хоть это и летом было, но Баренцево море холодное всегда, как они не замёрзли насмерть? Потом парням Героев дали. Обоим.

Комэска вдруг стал серьёзным:

– А знаешь, почему им Героев дали? Потому что в армии самое главное – сам погибай, а товарища выручай! Тут как «Боливар не выдержит двоих», только наоборот. Эти два морпеха могли бы запросто перестрелять друг друга, и никто бы никогда об этом не узнал. А они нет, мёрзли, но держались друг за дружку, чтоб не пропасть поодиночке. Настоящие мужики. Давай и мы так же сделаем! Полезай-ка за борт, Героя тебе не обещаю, а на «Красную звезду» представление напишу! И не ржи, я серьёзно! Давай вылезай!

Я прыгнул в воду и схватился за тросик на борту. Холодно! А комэска вычерпал воду и развалился в лодке, закинув руки за голову.

– Красота! – сказал он мечтательно, – одно плохо, америкосы видели, что мы на воду садились, думают, наверно, что сбили нас! – Комэска резко повернулся в сторону, куда уле-

тели американцы, и показал им кулак, – не дождётесь!

Тут у нас над головами пролетели наши истребители и я быстро достал пистолет и выстрелил в воздух, чтобы обозначить себя.

– Не суетись! – сказал комэска, – всё они видели! Нечего зря в воздух палить, патроны побереги, ещё пригодятся, – зловеще добавил он.

Комэска зевнул, откинулся назад, улёгся поудобней и предался воспоминаниям:

– Знаешь, Коль, я на четырёх войнах побывал, девятнадцать вражеских самолётов сбил, восемь своих самолётов поменял, три раза меня самого сбивали, один раз к своим пешком неделю по немецким тылам шёл. Наша пехота, черт их подери, челюсть мне при встрече чуть не сломала и зуб выбила! А я им ещё флягу со спиртом подарил! Плохо чувствовать себя безлошадным, как не в своей тарелке.

Он резко сел в лодке и прислушался:

– Кажись, из пушек стреляют? Не слышишь?

Я помотал головой – нет.

– Ну да ладно. Потом подробности узнаем. Слушай дальше. На войнах у меня полно всяких интересных случаев было, но один особенно запомнился. Дело было в Корее. Там в основном ночью летали, не люблю летать ночью – хотелось бы видеть кто меня убьёт. Вот лечу я на свободную охоту, патрулирую. Смотрю америкос на «Пантере» куда-то чешет, был тогда у них такой самолёт, полное барахло, на-

шему Мигу даже в подмётки не годится. Я ему, как обычно, в хвост пытаюсь пристроиться. А он, вместо того, чтобы сразу к своим удрать, маневрировать начал! Давно такого не было! И пилотирует грамотно! Меня со своего хвоста очень умело стряхивает. Тут меня аж азарт разобрал, уже сто лет достойного противника не было! Я в атаку на него захожу, а он очень толково уклоняется, но сам на меня демонстративно в атаку не лезет. Хотя была у него одна явная возможность и пара неявных. Немцы такого не пропустили бы! Странно как-то он себя ведёт. Потом он вообще бортовые огни включил! Чтобы мне его виднее стало? Ему что, жить недоело? И тут я понял: парень-то научиться хочет! И стало мне его жалко. Вот, думаю, собью я его сейчас, и что? Не станет в мире ещё одного талантливой лётчика, что от этого мир лучше станет? Нет! Я в конце войны летал с американскими лётчиками – нормальные они ребята, такие же как мы с тобой и водку пьют так же. Я тоже бортовые огни включил, чтобы ему показать «не бойся». Он крыльями помахал – «понял» и сразу на меня в атаку зашёл. Я давай уклоняться, на него захожу, он снова на меня. Долго мы так развлекались, как он вдруг бортовые огни выключил и сразу исчез в темноте! Вот это да!

Кстати вовремя он из боя вышел, у меня топливо уже на подходе, пора возвращаться. Поворачиваю обратно и тут понимаю, что я не знаю куда лететь! Совсем не знаю! Американца-то на себя свой авианосец заведёт, а меня кто? Я при-

кинул, где наверно может быть берег и повернул туда. Хоть все «Наставления» категорически запрещают полет с произвольным курсом, но над морем никаких ориентиров нет, поэтому полетел, куда глаза глядят. Лечу, а кругом красота, небо ясное, на море полный штиль и звезды отражаются в воде. Такое чувство, словно в космосе среди звёзд летишь. Время как будто остановилось, и какая-то благодатная тишина наступила. А я себя жалею, вот топливо сейчас закончится и никто, Петро, не узнает где могилка твоя. Ещё вспомнил этот дурацкий приказ: застрелиться, но в плен не попадать, мы же здесь вроде как китайские добровольцы! Что делать? Застрелиться прямо сейчас в кабине или сразу после приводнения?

Вдруг вижу, прямо передо мной в море ярко-зелёная полоска светится и, как тропинка в поле, уходит за горизонт. Ну и чудеса! Что это такое? Делать мне нечего, курса на свой аэродром я не знаю – полетел вдоль дорожки. Феерическая картина: звезды вокруг и между ними переливаясь всеми оттенками зелёного, бежит дорожка! Я как-то сразу успокоился. Лечу вдоль неё, вдруг дорожка резко обрывается, и с земли показались оранжевые вспышки! Зенитная артиллерия заработала! Присмотрелся – да это же корейский порт и мой аэродром прямо за ним! Спасибо дорожке!

Комэска тяжело вздохнул и, помолчав, продолжил:

– Думаю, это мне Бог помог. Я хоть, и коммунист, и атеист, и все такое прочее, но тут явно божья рука. Америка-

нец улизнул от меня, потому что мы близко к его авианосцу подлетели, а авианосец меня не пожалел бы, открыл огонь из всех стволов и дежурное звено поднял! Если бы неизвестный корейский кораблик не взбаламутил винтами светящийся планктон, то я бы уже давно кормил рыб на дне. И знаешь, после этого случая во мне что-то сломалось. Раньше я азартный был, злой, сам в атаку рвался! А теперь первым стрелять перестал, раненых не добивал, всегда давал уйти на свою территорию. Это, конечно, плохо. Какой я после этого лётчик-истребитель? Да никакой. Старый я уже стал. Вот выловят нас с тобой из воды, и пойду на пенсию. Хватит, навоевался! У меня на Полтавщине у родителей дом большой, вот и буду там семечки грызть, горилку пить и салом заедать.

Через два часа подошёл сторожевик пограничников и поднял нас на борт.

На причале нас встречало все население городка. В первом ряду мельтешила Валька и махала платком как сигнальным флагом – «Я здесь, я здесь!». Хотя могла и не махать, её яркую внешность было заметно ещё за три мили от берега. Самым первым стоял командир нашей дивизии, который специально прилетел для этого с Сахалина, за ним командир полка, целая толпа врачей в белых халатах и наша полковая машина-санитарка, весь остальной причал был облеплен людьми. По местным меркам – это была встреча на самом высочайшем уровне. Я думаю, и президента вселенной здесь встречали бы в этом же составе.

Мы причалили, комэска доложил комдиву, что полётное задание выполнено полностью. Экипаж проявил чудеса героизма, но остался жив. Вверенная ему боевая техника, то есть самолёт, пала смертью храбрых, утонув в бурных водах Тихого океана. Комдив, махнув рукой на бестолковый рапорт комэски, обнял его и, хлопая по спине, радостно приговаривал: эх, жив курилка! Потом пожал руку мне и тоже обнял. Тут зарисовалась Валька, радостно завизжала, оттолкнула комполка, который тоже собирался меня поздравить, и с разбега повисла у меня на шее!

– Я так переживала! Я места себе не находила! Я чуть с ума не сошла, пока тебя ждала!

Потом резко отпрянула и осмотрела меня:

– Ты что ранен? Зачем тут так много врачей? Куда они хотят тебя увезти? Я тебя никуда не пущу! Я поеду с тобой!

И правда, зачем весь личный состав нашего лазарета, включая зубного техника, здесь собрался? От чего нас собрались лечить? Комполка аккуратно оторвал Вальку и посадил меня в санитарку, та включила сирену и с противным воем рванула в лазарет, который находился в полукилометре от причала. В лазарете нам померили температуру, простучали лёгкие и измерили давление. Все оказалось в норме. На этом весь «углублённый» медосмотр закончился, но нас все равно продержали в лазарете до вечера следующего дня. За это время Валька раз десять приходила меня навещать, но её не пускали, так как нам прописали строгий постель-

ный режим! Вечером пришли комдив с комполка, принесли две бутылки водки и закуску. Сказали, что это лекарство для снятия стресса.

Мы хорошенько выпили, и комдив рассказал, что звонили из штаба Армии и сказали, что в Москве дали команду всех по-царски наградить. В Охотском море Тихоокеанский флот затеял испытания новой ракеты со стрельбой из подводного положения, американский разведчик как раз туда и летел, а мы его героически сбили. Поэтому комэске, как старшему – Орден Красного Знамени, мне, лётчикам дежурного звена, которые сбили разведчик, руководителю полётов и штурману наведения – по Красной звезде. И ещё всем нам, а также нашему наземному технарю и технарям дежурного звена – премия по три должностных оклада. Действительно щедро. По-честному. Наш самолёт приказали списать на боевые потери.

Валька очень гордилась мной. Деньги её не впечатлили, а вот в орденах она знала толк, у её папы много разных наград. Моей наградой она хвасталась так, как будто орден вручили лично ей. Держала его в отдельной коробочке, любовалась им, гладила и сдувала с него пылинки. Мне выдавала его только когда я одевал парадную форму! Иногда она привязывала к нему золотую цепочку и одевала на себя. Прямо на голое тело. Интересно смотрится.

Свои действия я за подвиг не считал. Больше переживал за потерянный самолёт. Я-то знаю, какого труда стоит само-

лёт на заводе собрать. И денег он баснословных стоит. Народных денег. Три самолёта – детский садик. Пять самолётов – школа. Семь самолётов – поликлиника или больница. Но орденом я тоже гордился! Это настоящий боевой орден. И получить его в двадцать четыре года, да ещё в мирное время – большая удача! Теперь у меня две боевые награды: медаль «За Оборону Москвы» и вот, теперь ещё и «Красная Звезда». Медалью никого не удивишь, у моих ровесников было много боевых наград, но обычно не самые серьёзные, вроде моей. Хотя со мной в училище учился один курсант, у него была медаль «За отвагу»! Эта, на первый взгляд простенькая медаль, на самом деле почётнейшая награда! Очень высоко ценилась среди фронтовиков. Её не получить «за участие», её давали только за личный подвиг и храбрость, проявленную в боях с врагами Советского Союза. Прямо как в «Положении о награде» и написано!

Мой дед, когда мы приехали в отпуск, взял мой орден, достал свой, полученный ещё в гражданскую войну, отёр от пыли, и стал сравнивать номера. Долго, сослепу, не мог разглядеть, а когда разглядел, сделал вывод:

– Молодец внучок! За сорок лет всего пятьдесят тысяч человек! Гордись!

Дед ошибся аж в сто раз, но я не стал его расстраивать.

1.10 Ложная тревога

Все вроде хорошо складывается. И с женой, и со службой. Мы привыкли Курилам, уже не переживали из-за неустроенности местного быта, суровости климата и полной оторванности от цивилизации. Когда живёшь в Москве, то кажется, что Курилы где-то там, далеко, на краю света, а с Курил все видится ровно наоборот! Это Москва черте-где, я мы тут, в самом центре вселенной живём.

Как-то вечером приходит Валька с кухни, очень озабоченная и даже слегка напуганная. Её прямо сразу с порога стало распирать от желания поделиться очередной порцией слухов. Она снизила голос до таинственного и зашептала:

– Ты даже не представляешь, что я сейчас услышала! Это настоящий кошмар! Это тихий ужас! Я даже не знаю, как нам дальше жить. Это ж надо быть такими, – тут Валька запнулась, подбирая слова, – ну эти, там, ну ты понимаешь кто, – она округлила глаза, – ладно, в общем «они»! Теперь хоть «караул» кричи! Все девочки на кухне только об этом говорят! Такого ещё никогда не было! Ну, ты хоть понял, о чём я?

– Не, – мотнул я головой. У Вальки есть склонность к тотальному преувеличению всего и вся. Она всегда готова кричать «караул», «пожар» и «помогите»! А слова «кошмар» и «ужас» вообще у неё самые любимые. Послушав её можно заключить, что весь словарный запас Вальки состоит все-

го из двух десятков слов. И все они производные в разных степенях привирания от слов «кошмар» и «ужас»! Диапазон её оценок такой: от «ужасненький» – это когда хорошо, но не очень, до «вообще кошмар!», с выкатыванием глаз из орбит – это не очень хорошо, но терпимо. А когда было действительно очень хорошо или очень плохо, то Валька делала страшное лицо и выдавала целый букет малосвязанных между собой восклицаний. Между словами она вставляла многочисленные союзы, предлоги и междометья, и было совсем не понятно, о чём она говорит. Как ни странно, но все женщины её прекрасно понимали! Обычно я пропускал мимо ушей первые минут пять её речи и только потом слушал. К этому времени Валька вспоминала, что она выпускница журфака и начинала говорить медленнее, по делу и человеческими словами.

– Ладно, – она набрала воздух и выдала на одном дыхании, – наш полк расформируют!

– Да не может быть, это все бабский трёп. Кто америкосов по морю гонять будет? – усомнился я.

Чисто по-женски, придираясь к словам, Валька сразу забыла о главном и сделала мне замечание, что это не «бабский трёп», а «женские разговоры»! Потом снова перешла к делу:

– Нет, – с жаром заговорила она, – все точно. Жена начальника строевого отдела, Оля, ну ты её знаешь, такая рыженькая, в 25 комнате живёт, у них ещё мальчик маленький, весь конопатый, есть. Так вот, она от мужа слышала, когда

он с начальником штаба говорил.

– А она что, подслушивала?

– Конечно! – удивилась Валька, – ей же интересно! Мужики сядут за бутылочкой, её выгонят, а сами пьяные все про службу говорят. А она не уходит, спрячется и подслушивает. А потом все нам рассказывает! Видишь, какие мы умные и находчивые! – Валька хитро рассмеялась и показала мне язычок.

– Она вам что, все что слышит, рассказывает? За такую болтовню много голов может полететь. И твоя тоже, если не перестанешь болтать.

Валька обиделась и поджала губы.

– Не хочешь – не верь. Дело твоё. Оля ещё никогда не ошибалась. Когда ты американский разведчик только увидел, я сразу об этом узнала! И что у вас снарядов на борту нет – тоже знала! И когда вы на воду сели, я тоже знала, что с вами все хорошо! Пролетавшее над вами дежурное звено доложило.

– Что, прямо тебе доложило?

– Нет! Что ты! Опять надо мной смеёшься? Ничего тебе больше не расскажу!

Валька замолчала и сделала обиженное лицо. Обычно это ненадолго, секунд на десять.

– Слушай, – как ни в чём не бывало, продолжила Валя, – у вас на КДП (командно-диспетчерский пункт) сидит телефонистка Света. Симпатичная такая, с короткой стрижкой.

Ты, кстати, с ней никакие шуры-муры не крутишь? Нет? Ладно, я проверю. Смотри мне, если я что-то узнаю! Так вот, у вас там, что все глухие сидят? Зачем они «громкую» включают так, что даже на соседних этажах ваши переговоры слышно? Вот Света, когда услышала про вас, то позвонила к нам в барак, сразу на три телефона, а сама телефонную трубку в коридор выставила, чтобы мы лучше слышали! Первой трубку взяла Вера, она-то меня и позвала! Видишь, какие мы умные! А то, ты все «бабы бестолковые»! Умные мы!

Валя села ко мне на колени и поцеловала.

– Согласись, что мы умные и находчивые!

– Очень, – кивнул я головой, а Валя продолжила:

– Вокруг телефонов собрался весь барак. Все очень переживали за вас! Другие лётчики спорили, как правильно поступать. Таранить или нет. Я страшно испугалась! Даже успела себя представить молодой вдовой. Потом, когда у вас закончилось топливо, я вообще обмерла! Мужчины спорили как правильно поступить: катапультироваться или на воду садиться. В конце концов, решили, что садиться на воду – это самое правильное решение и стали вас хвалить. А когда вы сели на воду и доложили, что у вас все в порядке, мы стали хлопать! Оказывается, это очень сложно, а я думала просто! Девочки стали меня целовать, обнимать и поздравлять! Я впервые в жизни почувствовала такую гордость за себя, что я твоя жена! И что у меня такой замечательный муж!

А ты хотел меня выгнать.

Валя резко прервалась, повернулась ко мне лицом и посмотрела в глаза. Потом обняла и горячо зашептала на ухо:

– Я такая дура была! Правильно ты говоришь – «баба бес-толковая»! Дура я, хотела сбежать от самого лучшего мужа на свете! Меня так поздравляли, словно это я подвиг совершила! Я была так счастлива! Ты даже не представляешь, как! Ну, наверно, как с тобой в постели, когда ты в ударе бываешь! Ты, кстати, сейчас «в ударе»? Давай-ка я проверю. Я большая специалистка в этом деле. Покажешь мне «высший пилотаж»!

На следующее утро, за завтраком, Валя о чём-то сосредоточенно думала. Потом решила поделиться со мной:

– Поеду в Нижне-Курильск, позвоню домой на городской телефон. Спрошу у папы, он же должен знать!

Валька домой звонила не часто, пару раз в месяц. Связь в те времена была отвратительная, постоянно прерывалась, слышимость никакая. Как пел Высоцкий: «что реле там, с ячейкой шалят?». Ещё Валя боялась на папу напороться, он всегда ей на мозги капал, по делу и без дела.

– Ну, попробуй, позвони. Обрадуй папу. Он, наверно, соскучился по тебе.

Валька задумалась.

– Он же не может отказать единственной дочери? Правда?

– Не знаю, у меня дочери нет.

Валя сразу осеклась, сделала виноватое лицо, опустила голову и положила мне на колено руку:

– Любимый, дай мне только до Москвы добраться, а там я тебе рожу детишек, сколько ты хочешь.

– Ладно, поезжай, поговори с папой. Может он тебе, что умное скажет.

– Ты меня простишь? – не унималась Валя.

– Поезжай уже. В Москве посмотрю, как ты будешь себя вести.

Валя виновато улыbnулась, посмотрела мне в глаза и тихо сказала:

– Я буду очень-очень стараться, только не прогоняй меня и Галю вместо меня не зови. Я сделаю для тебя все.

Вот далась ей эта Галя! Да я её никогда в жизни не позволю! Я погладил Валу по спине, поправил волосы, потеревил ушко, она сразу пересела мне на колени, обняла и стала целовать.

В Нижне-Курильск собралась ехать целая делегация, женщин десять! Всем вдруг срочно понадобилось туда ехать, «по магазинам прогуляться». Они переглядывались между собой, делали многозначительные лица и общались знаками. Настоящие шпионки. Смотрелось это смешно. А вообще странно. Я никогда не говорил кто у меня тесть, а Валя про него с детства приучена молчать. Что она своим подругам наговорила? Почему они вдруг всей толпой собрались ехать? Хотят узнать все из первых уст?

Ладно, пойду, покурю. Захожу в курилку, сажусь на лавочку. Мужики, которые там были, сразу перестали разговаривать и ожидаательно уставились на меня.

– Что скажешь, Коль?

– Это вы на счёт чего? – удивился я.

– Не придуривайся, про тебя вчера жена замполита все рассказала.

Не нравится мне это.

– И что же она рассказала?

– Да ладно, Коль, не горячись, мы все понимаем. Мы просто хотели спросить, может ты, что-нибудь знаешь, – примирительно сказали мужики.

– Не, ребят, если вы про расформирование, то я сам об этом только вчера ночью от жены услышал.

– Ты же, вроде, ночью с женой совсем другим занимался, – глупо пошутил Серёга. Нравится мне этот армейский юмор: сам сострил – сам посмеялся.

– А ты не подслушивай!

– Ладно, ладно, прекратите ссориться, – вмешался один старый технарь, – говори, Коль, что думаешь. Мне на дембель через два года, нужно обязательно дослужить до пенсии. А то на старости лет окажешься с голой задницей, ни кола, не двора.

– Мужики, поверьте, честно говорю, ничего не знаю. Думаю, это пустой слух. Мы на стратегическом направлении стоим, если нас отсюда убрать, кто южный фланг прикрывать

будет? С Сахалина сюда не долететь. С Владика тем более. Одни мы!

– Ты это всё правильно говоришь, но на Северном флоте столько полков под нож пустили! А там тоже стратегическое направление.

– Да, пустили, – согласился я, – но там их много стояло, а мы тут одни. Может, вы панику раньше времени поднимаете! Кто-нибудь этот приказ видел? Или вы все со слов жён знаете?

Мужики недоуменно переглянулись.

– Точно! Пойдём пытаться штабников, – мужики встали и гурьбой пошли в барак. А ко мне подошёл мой комэска и тихо сказал:

– Ты, Коль, все-таки с тестем поговори.

Я поднял на него глаза:

– Пётр Степанович, вы же знаете, я за его спиной никогда не прятался. Всегда все сам.

– Знаю, Коль. И уважаю тебя за это. Но ты все же поговори. Дело очень важное. А когда твоя жена вернётся, попроси её ко мне зайти и доложить.

Во дела-то!

Пока Валя была в отъезде в бараке стояла гнетущая тишина. Люди нетерпеливо ждали её возвращения. Когда я зашёл на кухню поставить чайник, все женщины бросили свои дела и обернулись ко мне. Наступила тяжёлая пауза. Кто-то уро-

нил половник, и звон его падения ударил по ушам. Первой опомнилась телефонистка Света, с которой прошлым вечером меня «сватала» Валя:

– Коля, ты наверно голодный? Время-то обеднее! Давай я тебя накормлю!

Тут вмешалась Маша, она быстро подошла к Свете, что-то ей резко сказала, и та отскочила от неё как ошпаренная. Маша повернулась ко мне и, не обращая ни на кого внимания, ласково сказала:

– Садись, Коля, я тебе сейчас дам покушать.

Что-то Маша слишком откровенно себя ведёт. Не к добру это.

– Девушки не беспокойтесь. Скоро приедет Валя, она меня и покормит. Я хотел только чайку попить.

– Что, даже не попробуешь, что я приготовила? – Маша посмотрела на меня с такой мольбой во взгляде, что я отвёл глаза.

– Хорошо, Маш, давай половинку первого. У тебя сегодня что?

– Суп харчо! – хвастливо ответила она, – может тогда полную тарелку?

– Отлично! Люблю я харчо! Давай полную. Ты его не сильно поперчила?

– Коленька, тебе точно понравится. Ты, наверно, давно его не ел?

Женщина – есть женщина. Ясно, о чём она, намекает

на то, что Валька не умеет готовить. Я с укором посмотрел на неё.

– Ты это к чему, девушка?

– Да так, ни к чему, просто сказала, – улыбнулась она.

Харчо и вправду был отличный! Даже захотелось попросить добавки. Не успел. Как только доел, дверь в барак открылась, и кто-то крикнул: «едут!». Все бросились к выходу, только Маша осталась. Я её спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.